

The background is an abstract painting with a textured, expressive style. The upper half features warm, golden-yellow and orange tones with visible brushstrokes. The lower half is more complex, with dark, swirling black and blue forms on the left, and vibrant, fiery reds and oranges on the right, suggesting a landscape or a dramatic scene. A semi-circular, sun-like motif is visible in the top right corner.

Елена Александровна
Асеева

Коло Жизни. Средина

Том второй

Елена Асеева

Коло Жизни. Средина. Том второй

«Издательские решения»

Асеева Е. А.

Коло Жизни. Средин. Том второй / Е. А. Асеева —
«Издательские решения»,

Яробор Живко и Крушец во втором томе книги «Коло Жизни. Средин» пройдут удивительный путь по самой планете Земля, повзрослев и набравшись столь необходимых им обоим чувств, эмоций и знаний. Они оба обретут спокойствие подле своего Отца Господа Першего, возродят в дальних землях Дравидии города, образуют новый народ, верования и традиции. И тем самым изменят развитие человеческого общества.

© Асеева Е. А.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	26
Глава пятая	30
Глава шестая	34
Глава седьмая	38
Глава восьмая	41
Глава девятая	47
Глава десятая	52
Глава одиннадцатая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Коло Жизни. Средина
Том второй
Елена Александровна Асеева

Я есть истина.

AD GUREY NAMEH

JUGAD GUREY NAMEH

SAT GUREY NAMEH

SIRI GURU DEV NAMEH

Мантра.

© Елена Александровна Асеева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава первая

– Тоже хочу себе... как у Вежды, чтобы было ухо в камушках, – неуверенно произнес Ярбор Живко и провел перстами по левой ушной раковине. – Сделаешь, Кали?

– Дражайший мой господин, – любовно отозвалась демоница, и, протянув руку, трепетно огладила мальчика по волосам, днесь после выздоровления купно покрывающих голову и лежащих там волнами. – На ушке будет больно и долго заживать. Давайте лучше в бровке. – Она нежно ткнула перстом в кончик левой брови юноши прямо над переносицей. – Какой вы хотите камушек? Мы скажем Господу Першему и он сотворит, что вы попросите.

– А какой можно камушек? – спросил Ярборка и легохонько шевельнул плечами, ибо они у него затекли.

После болезни, он вельми долго был в ложе, не поднимался, так велели не столько бесицы-трясавицы, так распорядилась рани Темная Кали-Даруга, желающая полностью стабилизировать его психо-эмоциональное состояние. Теперь же когда ему разрешили вставать, демоница стала с ним заниматься... в комле, откуда убрали трон Вежды... увы! вместе с Седми и Небо отбывшим из Млечного Пути. Мальчику об отбытие Богов поведал Перший, долго потом его успокаивающий... его и Крушеца, поелику и последний тому обстоятельству дюже огорчился. Однако, старшему Димургу удалось успокоить лучицу, а засим убедить Ярушку о необходимости того отбытия. Сославшись на то, что коли юноша желает видеть обок себя его – Першего, иным Зиждителям, у которых много забот в Галактиках, надо отбыть.

На месте некогда стоявшего трона теперь лежал высоко-ворсистый круглый белый ковер и несколько подушек. Кали-Даруга усаживала мальчика в самом центре того ковра сама помещаясь на широком тюфяке напротив и учила его, как надо правильно принимать видения. Это был новый этап в обучении и не только Ярбора Живко, но и лучицы... И коли Крушец после разговора с Першим значительно успокоился и перестал давить на мальчика, то последний тем словно воспользовавшись вспять перестал слушать демоницу. Каждый раз, не просто стараясь перевести тему разговора, но и почасту прерывая рани, отвлекая и задавая лишь его интересующие вопросы. Нынче это было уже пятое и сызнова неудачное занятие.

– Какой вам нравится из земных самоцветов? – принялась терпеливо выпрашивать Кали-Даруга, все еще ласково поглаживая мальчика по коже лба и волосам, тем самым стараясь умиротворить и расположить в желании обучаться. – Смарагд, лал, янтарь, яхонт лазоревый, онихий, златоискр, тапас, акинф, кровавой онихий?

– А какой у тебя камушек? – робко задев перстом колечко в левой ноздре рани, где сейчас вспыхивал густо-синий с бархатистым оттенком камушек, поспрашал юноша.

– У меня яхонт лазоревый... ноне яхонт лазоревый, – ответила демоница и улыбнулась, ибо сипру, лазурит, сапфейрос, сапфир, сафир, синий корунд, яхонт синий был самоцветом ее Творца.

– Такой хочу, – озвучил все также несмело Ярбор Живко свое желание и наново провел перстами по грани ушной раковины. – Хочу, чтобы как у Вежды, чтобы всегда помнить о нем... Как было хорошо подле него.

Юноша резко смолк и также торопливо поднялся на ноги, уставившись взором в стену комли. В то самое место оное когда-то явило ему поверхность четвертой планеты.

– Господин, ушко будет долго заживать, – вздев голову и глядя снизу вверх на мальчика, заботливо проронила Кали-Даруга, все еще надеясь, что тот продолжит занятия. – А, что предлагаю я, в бровке заживет быстро. Это символ. Если вставить в бровку фиолетово-красный берил, любой демон, узрев данный знак, поймет, что пред ним лучица каковой они должны безоговорочно служить.

– Кто увидит? – несогласно произнес Яроборка и глубоко задышал, точно ему стало не хватать воздуха. – На Земле демонов нет, ты же сама говорила, они там не живут. Но ежели ты советуешь, пусть... Пусть будет в бровке. Только тогда синий камень.

– Лазоревый яхонт, мой дражайший, господин, – полюбовно поправила Кали-Даруга мальчика. И когда тот в ответ отозвался медлительным кивком, рани протянула навстречу ему две руки и еще более участливее добавила, – тогда... Если я ответила на ваш спрос, присядьте и мы продолжим занятие.

– Нет, я устал... голова болит, – суетливо молвил Яробор Живко, попеременно хватаясь то за голову, то за грудь. – И дышится тяжело, – теперь он и вовсе рывком развернулся и спешно направился к своему ложу, дюже скоро взобравшись на него и улегшись на бок, спиной к демонице да тотчас замер.

Рани Черных Каликамов поднялась на ноги, и, степенно приблизившись к затихшему на ложе юноше, воссела обок, принявшись ласково оглаживать его волосы, спину прикрытую серебристым сакхи.

– Господин, мой драгоценный господин, – чуть слышно дыхнула она. – Вам все равно надобно будет вернуться на Землю, к людям... Вам надо жить там, иметь женщину, детей. Сейчас в вашей жизни многое изменится, но она должна протекать на Земле. А для того, чтобы вы туда вернулись надо научиться принимать видения. Ежели вы будете терпимы, хотя бы чуть-чуть... Вы такой способный, уникальный мальчик сразу все освоите.

– И уберетесь на Землю, – перебивая на фразе демоницу, заключил Яроборка, и тело его судорожно вздрогнуло, будто и сама мысль покинуть маковку изводила плоть.

– Мы с вами будем часто видаться, и с Господом Першим тоже не редко, – все также убеждающе-настойчиво продолжила сказывать Кали-Даруга не замечая воочью прозвучавшую в словах парня грубость и все еще нежно голубя его спину и волосы.

– Мне плохо, – нежданно резко вскрикнул мальчик и положил руку на грудь... на то самое место, откуда когда-то выходил Крушец, и, где нынче ничего о том разрезе не напоминало.

Впрочем, плоть, видимо, запомнила данное состояние, и теперь, когда Яробор Живко начинал тревожиться, у него в груди появлялась спертость дыхания и резкая боль. Бесицы-трясавицы не раз проверяли состояние господина и не нашли никаких отклонений, заключив, что это происходит вследствие дрожи мышц грудины, также быстро проходящее стоило плоти всего-навсе успокоиться.

– Давайте я разотру, господин, – заботливо произнесла Кали-Даруга, разворачивая мальчика на спину и начиная мягкими, круговыми движениями растирать его грудь. – Вам нельзя нервничать, тревожиться, вы и так слишком возбудимы. Раз не желаете заниматься, так и не будем. Не стоит только волноваться, мой дорогой господин, або вам вельми вредно.

– Я без вас умру... Умру там на Земле, – прошептал юноша и сызнава тягостно вздохнул. – Так долго без вас был. Без Першего, тебя, Вежды... Так скучал, теперь не представляю, не представляю как смогу остаться без вас.

Полотнище синего облака, прицепившегося за один из угловых проемов стены, пошло малыми кругами и в комлю вступил Перший. Он наскоро окинул взглядом помещение, и, узрев мальчика на ложе, торопливо направившись к нему, на ходу спросил:

– Живица, дорогая моя, что случилось с нашим Ярушкой? – вложив в каждое произнесенное слово столько любви и нежности, что всякая дрожь махом покинула юношу, и он порывчато сев, уставился на Господа.

– Опять беспокоила грудь, – пояснила Кали-Даруга и резво поднявшись с ложа, отступила в сторону, высвобождая тем самым место подле мальчика старшему Димургу.

Перший подойдя к ложу полюбовно огладил Яробора Живко по голове, не менее ласково его оглядел и лишь потом, обращаясь к рани поспрашал:

– Занятия опять не получились?

– Господину нужна уверенность, – отозвалась демоница. Одначе, она говорила не столько на ином языке, сколько как-то по иному, посему ее губы едва шевелились, а саму речь мальчик не слышал. – Он боится. И с тем нужно, что-то делать. Посоветуюсь с Родителем.

– Не стоит тревожить Родителя, – также слышимо токмо для рани молвил Перший, и его полные губы легохонько заколыхали сиянием. – Нужно все уладить самим. Правда, мой любезный, Ярушка? – теперь вже явственно Бог озвучил свой вопрос.

Яробор немедля отреагировал на слова Зиждителя так, словно понимал о чем, тот дотоль толковал с Кали-Даругой и с тем плотно свел меж собой зубы. Отчего последние тягостно закрипели, будто жажда разломиться напополам. Он также надрывисто дернулся в бок, стараясь уйти от голубящей его руки Першего и запальчиво проронил:

– Не буду, не буду заниматься. Я говорил уже о том не раз! Не буду! кому надо тот пусть и занимается.

Вероятно, Крушец слишком четко выполнял указания своего Отца, не теребить мальчика... И впрямь не только не теребил его, но даже нынче, в столь надобном вопросе обучения, не желал на него давить. Делая это наверняка нарочно, абы как можно дольше побыть подле Першего.

– Мой милый, – благодушно произнес старший Димург, он вельми крепко ухватил мальчика за плечо, придержав его подле себя. – Но если ты не станешь заниматься, навредишь только себе. Ведь на самом деле эти занятия нужны тебе, мой Ярушка... Только тебе. Когда вновь придут видения...

– Они не приходят, не приходят, поколь я тут у вас... Их нет! – с горячностью перебивая Бога затараторил Яробор Живко и шибутно закачав головой, рывком дернулся вправо, пытаясь вырвать плечо из цепких рук Першего.

– Тише... тише, мой бесценный, успокойся, – участливо молвил Господь, еще плотнее обхватив плечо мальчика, и неспешно присев на ложе, притянул его к себе. – Не надобно так тревожиться... Не надобно своенравничать, ибо сие враз не благостно отразится на твоём самочувствии. – Першему все же удалось остудить горячность Яроборки и прижать его к своему левому бока, слегка приобняв за спину. – Видения не ушли, – добавил он с расстановкой, словно стараясь достучаться в первую очередь до лучицы, – и не уйдут. Они всегда будут в тебе, и потому так важны эти занятия. Ты, мой милый, должен научиться их правильно воспринимать, и тогда не будет обмороков, переживаний столь тягостных для тебя. Кали-Даруга нарочно сюда прибыла, чтобы обучить и помочь тебе. Потому я прошу тебя, не противься занятиям. Порадуй меня своим согласием и старательностью.

– Нет, – глухо дыхнул в сакхи Зиждителя, юноша, вжимаясь в его шелковисто-струящуюся материю лицом и тем самым хороня себя. – Не буду соглашаться. Пусть мучают видения, лишь бы быть подле тебя... тебя.

Яробор Живко стремительно вскинул вверх руки и обняв Бога за грудь еще плотнее вжался в него так, точно жаждал... желал... мечтал в нем раствориться.

– Так нельзя, – вкрадчиво сказал Перший, и, склонив голову, нежно притронулся устами к макушке мальчика, легким дуновением слов всколыхав там густоту выющихся волос. – Нельзя, чтобы мучили, изводили. Нужно быть покладистей.

Ярушка порывисто закачал головой, наново проявляя строптивость, не желая не то, чтобы заниматься, не желая даже слушать поучения старшего Димурга. Понеже четко осознавал, стоит ему научиться правильно принимать видения, как его незамедлительно отправят на Землю к людям... К людям к которым он чувствовал тепло, обаче, жаждал находится подле тех кто был естеством своим близок к его основе Крушецу.

– Я в тех жизнях жил подле вас, – обидчиво отозвался Яробор Живко, уже не впервой сказывая эту фразу и защищаясь ею словно щитом от Земли.

– Нет... всегда жил на Земле. Я же говорил тебе. Да, бывал с нами, общался, – терпеливо пояснил Перший и наново поцеловал мальчика в волосики. Бог бережно ухватил перстами подбородок, слегка приподнял его голову и воззрившись в зеленые, будто прикрытые сверху карими вкраплениями глаза добавил, – общался, говорил... Но будучи человеком всегда жил на Земле. И днесь должен жить, потому мы от тебя и хоронились, оно как страшились, что ты начнешь упрямиться и своевольничать... Так как поступаешь теперь, и не пожелаешь выполнять положенного тебе. Ты меня весьма огорчаешь своим поведением, своими словами. Ты должен понять, мой Ярушка, коли ты не вернешься на Землю, не продолжишь человеческую жизнь, тогда не сумеешь приобрести, положенного божеству состояния... Тебя нужны человеческие чувства, страсти, такие как радость, веселье, любовь, боль, обиды, горечи. Тебе нужна человеческая чувственность и люди, с каковыми тебя роднит плоть.

Перший говорил эти слова уже много раз, и Яробор Живко все понимал, принимал, но не представлял себе, как теперь познав суть Богов, сможет вернуться к людям. Как должен ноне вести себя с ними, о чем говорить, а о чем молчать... и вообще как поступать. Кали-Даруга призванная ему в том помочь, мягко убеждала, что мальчик должен вести себя с людьми как прежде, не чем не высказывая своей уникальности, не объясняя где был и чему стал очевидцем. Ибо влекосилы и кызы, успокоенные марухами, думают, что он направился в расположенную на одной из горных гряд пещеру для общения с Богами и вмае вернется... Он вернется, абы передать повеление Зиждителей, вести своих людей в Дравидию, в земли с мягким и теплым климатом, каковой благостно скажется на состоянии юноши.

– А как же знания Китовраса заключенные в пирамидальных храмах? – спросил Яробор Живко лишь только услышал, пояснения демоницы. – Ведь влекосилы считают меня золотым человеком и идут в Дравидию по этой причине.

– Те пирамидальные храмовые комплексы, – приятно-певуче протянула Кали-Даруга. – И впрямь хранят знания, но не для нынешних людей... В них вам господин и подавно входить не нужно. А людям вашим следует ступать южнее. Там, куда вас направят марухи, живут люди с примитивным уровнем жизни. И вы, придя к ним, принесете свои знания, веру и научите их почитать Господа Першего, постройте им грады. И, сами будете жить, как и положено вашему сану. Вы станете князем, повелителем, раджой... Нет! Лучше рао. Да, вы будете рао влекосил и кызов.

– Мой драгоценный Ярушка, – дополнил свою речь Перший и теперь ласково облобызал лоб мальчика и его очи. – Будь покладистым, прошу тебя, порадуя меня... Пообещай мне постараться и позаниматься с Кали-Даругой.

Юноша туго вздохнул и резко сомкнул свои очи, абы был не в силах смотреть на столь близко нависающее над ним лицо Бога. Он не мог не уступить и одновременно всеми фибрами своего естества не желал давать обещания... Обещание, которое нужно было, потом исполнить. Тугая слезинка выскочила из уголка правого глаза мальчика, она, кажется, с трудом пробилась через тончайшую щелочку, оставленную неплотно сомкнутыми веками, и, соскользнув по щеке, улетела куда-то вниз... в материю его сакхи.

– Господь Перший, – подала голос Кали-Даруга, несомненно, ощущая тяжесть, охватившую не только юношу, но и лучицу. – Не стоит давить на господина. Нужно время. Время есть. Родитель сказал, чтобы мы не тяготили мальчика, это вредно для него... для него и лучицы. Дадим ему отдышаться.

И вновь рани Черных Каликамов толкуя с Богом, почитай не шевелила губами, разговаривая на доступном только им языку, который не улавливало человеческое ухо, а возможно и сам мозг, впрочем, порой тот говор звучал, как резкие щелчки, треск, скрип и стонущие звуки, воспроизводимые единым мотивом. Старший Димург приник губами к очам юноши, точно похищая смурь, и нежно подхватив его тельце, поднял на руки, прижал к груди, принявшись ласково поглаживать по голове и спине.

– Чем дольше он тут. Тем тяжелее будет возвращение, – дыхнул Перший, также слышимо для одной демоницы и медлительно поднялся с ложа. – Живица там прибыли, как ты и просила твои служки. Я повелел Трясцe-не-всипухе их разместить на маковке, но она после отбытия малецыка Вежды, как мне, кажется, совсем плохо соображает. Так, что поколь я буду знакомить Ярушку с нашими дорогими малецыками, сама утряси тот вопрос... И как-то встряхни Трясцe-не-всипуху, что ли... только прошу не испепели.

Рани Черных Каликамов широко улыбнулась Господу и нежно огладив перстами тыльную сторону его длани направленную в ее сторону, двинулась вслед за ним к выходу из комли.

Прибывшие служки-демоницы сменили отбывших вместе с Седми ее младших сестер, в которых после обряда отпала, как таковая необходимость.

Глава вторая

Старший Димург внес Яробора Живко в залу крепко прижимая его голову и притулив лицо к собственному плечу так, чтобы при перемещении из комли, последнему трепещущие полы завесы не повредили зрение. Впрочем, сразу войдя в залу маковки, убрал ладонь от головы юноши, и неспешно спустив его с рук вниз, поставил на гладь пола.

– Познакомься, Ярушка, с Господом Мором из моей печищи, – представил Перший своего сына, а вернее по занимаемому в печище положению брата, поместившегося подле пустого кресла. – И с Богом Велетом старшим из сынов печищи Атефов.

Яробор Живко токмо мельком зыркнул на Мора и тот же миг уставился на Велета, какой мощной горой возвышался в центре залы, подпирая ее свод собственной головой, отчего серые полотна облаков, точно поднырнув под прямые, жесткие, черные волосы Бога всколыхнули некогда зримую Владелиной склеенность, слегка их намочив и придав сей залащенной поверхности стальной оттенок. Это был массивно скроенный с сильным костяком и большим весом Бог, верно вдвое превышающий находящихся в помещении Димургов. Он даже сильно сутулился, и, похоже, клонил вниз голову оттого, что на его спине отложистой горой торчал невысокий горб. Сами мышцы, выпирающие на плечах, предплечьях, бедрах, лодыжках, оголенной груди смотрелись даже ребристыми и напоминали корни деревьев. Казалось они, испещряя части тела, не столько проходили под кожей, сколько над ней, едва касаясь ее своим краем, а потому воочью перекачивались туды... сюды по той поверхности, весьма рыхлой и по виду похожей на вскопанную почву, снятую лопатой. Цвет кожи у Велета был смуглый, и подсвечивался золотым сиянием, хотя порой она чудилась лишь насыщенно желтой. Уплощенное, округлое лицо с низким переносом и приплюснутым носом, где могутно выпирали вперед массивные скулы, сохраняло общие признаки кызов и явно указывало на их Творца. Узкими, черными были глаза Бога, с весьма сильно просматривающимися вертикальными складками кожи полулунной формы, прикрывающих внутренние уголки глазных щелей в области верхних век.

У Велета не имелось растительности на лице, а единственной одеждой ему служила набедренная повязка широкая, обмотанная вокруг бедер и закрепленная на талии поясом. Сама повязка густо-зеленого цвета имела множество мельчайших складок, и, доставая до колен, выглядела, несмотря на свою простоту, достаточно нарядной. Широкий сыромятный пояс, обильно усыпанный мельчайшими камнями переливающимися зелеными, бурными и даже иссиня-марными цветами, стягивался платиновой застежкой изображающей ладонь с расставленными пальцами, где вместо ногтей на сих кончиках горели фиолето-синие сапфиры. Мощные стопы Велета не были никак не прикрыты, а на голове поместился удивительной формы и красоты венец, кажется, и вовсе своим наверхием затерявшийся в облаках. Это были укрепленные на платиновом обруче четыре большие серебряные, округлые пластинки украшенные каплей коричневого нефрита, янтаря, зеленого малахита и изумруда. От стыков пластин вверх поднимались витые по спирали платиновые дуги, сходящиеся в едино над макушкой головы и удерживающие на себе крупный грубо отесанный, огромных размеров, черный алмаз.

– Ох! – взволнованно дыхнул мальчик, неотступно глядящий на Велета, и, шагнув назад уперся тельцем в ноги Першего. – Волот.

– Ага, вы так нас и называете, – хрипло отозвался Велет и бас его столь низкий густо наполнил эхом всю залу. – Великаны, волоты, мамаи, асилы... Эт, потому как мы сыны Асила.

– Ужас, – нескрывая испуганно вторил словам Бога юноша и задышал прерывисто-скоро, точно стал задыхаться.

– Ты напугал мальчика, – раздраженно произнес Мор и плотные, вишнево-красные уста его искривились. – Говорил тебе, Велет, прими допустимый рост, так нет же надо, как-то нари-

соваться. Итак, достаточно запоминающийся Бог, чего еще надобно. На одни твои жилы глянешь и надолго запомнишь.

Мор весьма напоминал Вежды... Он был такой же крепкий, высокий, как его старший брат и отличался от Першего своей статностью и точно здоровьем. Впрочем, с Вежды он разнился цветом кожи, каковая у него была много бледнее, почти светло-коричневая, да, также как и у всех Зиждителей, изнутри подсвечивалась золотым сиянием. Иноредь она темнела, становясь слегка смугло-красной. Короткими вроде пушка были курчавые волосы Господа, и на уплощенно-округлом лице с широкими надбровными дугами, несильно нависающими над очами, не имелось растительности. Крупные раскосые очи Димурга смотрели точно шурясь, а вставленные в прямые, черные брови (в самые кончики) желтые камушки янтаря, приподнимая уголки глаз вверх, придавали выражению его лица удивление. Красивым был нос Мора с изящно очерченными ноздрями, конец какового, словно прямым углом нависал над широкими губами.

Не менее знаменательно смотрелся венец Бога, где подымающиеся вверх от обода четыре скрещенные меж собой серебряные дуги, были украшены лопастыми листьями дуба и дланевидными клена, с миниатюрными цветками, собранными в кисти и зонтики, усыпанные рубинами, белым жемчугом, синим и желтым яхонтами. В наверхие тех дуг поместилось огромное яблоко из желтого алмаза, с тонкой зеленой веточкой, кончик коей венчался тремя маханькими розовыми жемчужинами. На Море было одето темно-синее сакхи без ворота и рукавов, распашное книзу, едва достигающее колен, весьма мягкое, будто его не просто никогда не гладили, а вспать нарочно носили таковым. На ногах у Господа, однако, находились серебряные сандалии с загнутым кверху носками, к подошве которых крепились белые ремешки. Один, из каковых начинался подле большого пальца и единился со вторым, охватывающим по кругу на три раза голень.

– Ну, чего ты милый малецык забухтел, – по доброму проронил Велет, и переведя взгляд на стоящего в шаге Мора нежно им его огладил. – Хотел просто показать нашему мальчику, откуда выходят легенды их народов.

– Волоты, – голос Яробора Живко явственно дрожал и в груди сызнова появился неприятный болезненный осадок так, что он прижал к тому месту ладонь. – По верованиям лесиков живут в неприступных горах, дремучих лесах и диких степях, сохраняя свою чудовищную силу и сказочный облик. Воплощение самой Мати Земли когда-то волоты были первыми людьми на Земле и обустроивали сушу, насыпали горы, копали узои рек и озер, засеивали растениями поля и леса.

– Наш, дорогой мальчик, вельми много знает всяких преданий, – пояснил Перший, и, узрев его волнение, медленно опустил подле него на корточки, да пристроил свою большую длань ему на грудь. – Но я думал, он не напугается вида нашего Велета, старшего сына Бога Асила, могучего Творца горной породы. В целом легенды ваши, мой любезный, не далеки от истины, потому как на планету как таковую и впрямь впервые вступают Атефы, – и старший Димург прикоснулся губами к виску юноши, снимая той нежностью все его волнение.

– Однако, наша бесценность, – отозвался Велет, и, несмотря на низость, его бас прозвучал весьма благодушно. Бог повел своими могутными плечами и тем самым всколыхал испуганно замершие на его голове и венце полотнища облаков. – Узои мы не копаем и растениями не засеиваем поля и леса. На это у нас нет способностей, на это способности у моего Отца Асила и малецыка Мора.

– Асила... Мора, – вслед за Велетом повторил мальчик и усмехнулся. Он слегка преклонил голову, и полюбовно поцеловал лежащую на его груди руку Першего таким образом благодаря за заботу. – Коли я поведаю, что сказывают о Море лесики, вы будете смеяться.

– И что мой дорогой они сказывают? – незамедлительно спросил Мор и так как юноша зримо его не пугался, убрал руки от грядущки кресла, на которую досель опирался. Он все также неспешно обошел кресло и направился в сторону мальчика.

Яробор Живко нежданно резко засмеялся да столь задористо, что сверкнули радостью его очи и тотчас ему вторили улыбками Боги, особенно Перший. Ведь юноша весьма редко улыбался аль смеялся, чем самым вызывал волнение не только в рани Черных Каликамов, но и в бесицах-трясавицах.

– Могучее и грозное божество, – начал говорить, вероятно, саму байку мальчик и трепетно качнулся взад... вперед так словно его и держала только рука старшего Димурга. – Воплощение нечистых сил и самой смерти, повелевающая злобными приспешниками: бесицами-трясавицами, бесами, демонами, духами ночи, правит в тех владениях, что лежат за черной рекой Смородиной, чрез каковую перекинут Калинов Мост, Богиня Смерть, Мара, Мора.

Парень разком смолк, закрыл ладонью себе рот, будто страхась растерять свое веселье и еще звончей засмеялся. Казалось еще морг и этот смех, точно пробивающий себе русло, гулко-кипучий родник выплеснется махом изо всей его плоти.

– О.., – несколько озадаченно, а может лишь подыгрывая мальчику, протянул Мор всей своей речью и заинтересованным видом жажда расположить его к себе. – Не думал, что я Богиня.

– Ага... ага, а коли бы знал чья супруга, – и Яроборка сызнава прыснув смехом закачался туды... сюды, но в этот раз его колыхание было приметным, ибо Перший убрав руку от его груди медлительно поднялся, высвобождая место подле него сыну.

– Еще и супруга, надеюсь не Вежды али малецыка Стыня, – широко улыбаясь, отозвался Мор.

Он, наконец, поравнялся с юношей, и, сдержав шаг, завис над ним могутной стеной. Все также степенно сын Першего присел на корточки и с такой теплотой взглянул на мальчика, что тот опешил от проскользнувшей, и вроде огладившей его кудри, пламенной любви.

– Не-а... еще хуже... хуже, – додышал громко через смех Яробор Живко и торопко ступил вперед.

Мальчик стремительно вскинул вверх руки, протягивая их навстречу Господу, ощущая плывущую от него ни с чем несравнимую близость, которую он никогда ни испытывал от людей... ни даже от матери и отца. И миг спустя густоватое смаглое сияние озарило всю голову юноши, на чуток вроде ослепив и Мора, приветственно символизируя радость самого Крущеца.

– О, мой драгоценный, – голос Мора высокий, звонкий тенор, с нотками драматической окраски, так схожий с гласом Седми, многожды сотрясся.

Бог жаждal прикоснуться к мальчику и лучице. Однако не ожидал, что его прибытие... его близость столь ярко будет воспринята Крущецем. Он резво подхватил мальчика подмышки, и энергично поднявшись с присядок, прижал его к груди. Не менее суетливо принявшись гладить Яробора Живко по волосам, спине, целовать в макушку... Демонстрируя каждым прикосновением свою любовь в отношении лучицы и удовольствие оттого, что удалось повидаться с мальчиком, всяк раз прибавляя:

– Мой бесценный, бесценный малецык... мальчик. Наша радость, самое великое чудо. Так рад тебя увидеть, прикоснуться. – Господь прервался совсем на чуть-чуть, абы чрез лобызания не выплеснуть на голову юноши свое волнение, и немного погодя спросил, – так, что... Чья Мор супруга? – несомненно, с тем проявляя особое внимание к словам Ярушки.

Юноша уже давно перестал смеяться, и днесь уткнувшись лицом в плечо Бога, на малость замер от наступившей внутри него благодати и тишины.

– Ты пахнешь, как Перший и Вежды, – едва слышно прошептал он, разворачивая голову и глядя в слегка скосую грань подбородка Господа. – Не думал, что Зиждители пахнут... А Богиня Мора супруга Господа Першего.

– Гу... гу... гу, – засмеялся гулко Велет и не просто всколыхнул полотнища в своде своим дернувшимся в наверхие венца черным алмазом, а закачал исторгнутым звуком все помещение, где зябью колыхание пошли сами зеркальные стены. – Супруга Першего... Отца... Эт, же надо как заплели.

– Ты ноне Велет своим гыгытанием разрушишь маковку, – весьма недовольно процедил в сторону Атефа Мор, так словно его все раздражало. Впрочем, несколько секунд спустя уже много нежнее спросил у мальчика, – и как же я пахну Ярушка?

Юноша приткнул нос к сакхи Бога и резко втянул в себя его дух, да будто наслаждаясь теми ароматами, неспешно ответил:

– Как ночная свежесть... Когда солнечное летнее светило, дотоль разморившее землю, сокрылось за горизонтом. И степенно спала жара. Когда синь небосвода выбросила свет холодных звездных светил и тем их сиянием остудила жар почвы, смахнула с ветвей, листвы и травы пыльность дня. Легкое дуновение пробежало по спящей природе, не тормоша создания, а принося на себе прохладу. Так пахнет Перший... и ты... Мор... Я вас так люблю. Вас Димургов, точно знал всегда, – мальчик перестал говорить, и, протянув к лицу Господа руку, нежно провел кончиками перст по грани его подбородка.

– Да, – нарушил сие толкование Перший, ибо знал, что мальчик днесь может припомнить о возвращение на Землю и засмурить. – Не вельми верно, не правда малецык. Ну, еще полбеда, что в тебе Мор узрели лишь женскую ипостась... Худо, что объявили моей супругой.

– Что ж Отец, будем благодарны лесикам, что они, – тотчас откликнулся Мор и так как юноша попросился вниз, неспешно наклонившись, поставил его на пол. – Что они не назвали твоей супругой Вежды или милого малецыка Стыня, это было бы совсем неприятно. А так только я... Я носящий в печище Димургов величание брата.

Молвь Мора и зябь его смеха сейчас поддержал и Перший, а Велет уже прекративший свое гыгытание нежданно вздел вверх руки и выхватил из свода серый кусок облака. Он рывком скинул его вниз, и огромный лохмоток облака живописал широким полотном округлое покрывало, плотно окутавшее тело Бога. По их чагравой перьевитости в мгновение ока проскочил зелено-бурый крап, каковой точно испустил из себя тонкие, отростки растений, витиеватые корешки, перепутавшиеся меж собой, выдавивших из мест особых скоплений колеблющиеся листочки. Сие чудно перемешавшиеся ветвями, стеблями, корешками и листочками покрывало пульсирующе дрогнуло... раз... другой, а посем в доли секунд опало прозрачной россыпью песка вниз так, будто живые растения опаленные племенем превратились в пепел. Обильно своей уже черно-серой россыпью они укрыли гладь пола барханами рыхлого песка. А пред удивленным взором мальчика предстал Велет такого же роста, как и Димурги (может токмо на голову их выше), обряженный в серебристое сакхи, опоясанное на стане широким сыромятным поясом с платиновой застежкой и даже обутый в серебристые сандалии похожие на обувь Мора.

– Ух, ты! – восхищенно проронил Яробор Живко, ибо дотоль ни Перший, ни Вежды при нем не принимали иного роста. – Вот это, да!

Велет весьма довольный проявленным мальчиком восхищением, и жаждущий к нему подойти и прикоснуться, теплотой своего взора и сияющей, золотыми переливами, улыбкой обозрел его с ног до головы, и очень мягко отметил:

– Это самый малый рост, каковой мы сыны Асила можем принимать.

– Самый малый, – заинтересованно повторил за Богом Яроборка, также желающий к нему подойти и дотронуться до его перекатывающихся мышц и одновременно того все еще пугаясь.

– Да, самый малый, – вступил с пояснениями Перший, несильно подтолкнув в спину юношу, очевидно, ведая его мысли и тем движением поощряя не препятствовать собственным желаниям. – Велет, Усач и Стыря самый малый рост принимают этот... Все остальные Зиждители могут равняться ростом с человеком.

– Значит, – покоренный зримым, проронил Яробор Живко, и сделал робкий шаг навстречу Атефу. – Моя суть тоже став божеством будет менять свой рост.

– Да будет и сможет, – чуть слышно отозвался Перший, а Мор и Велет расстроено переглянулись.

– Почему так? – прозвучал встревоженный голос Мора, и лицо его исказилось видимой болью, точно ему доложили о болезни сродника.

– Скорее всего в малецыке заложены настройки быстрого роста, – с трудом выдавил из себя Перший прохаживаясь по зале взад... вперед, где в единственно стоящем кресле поместился Мор, а Велет уселся прямо на пол вытянув вперед свои мощные перетянутые кореньями ноги. – Крушецу были необходимы определенные условия роста... и долгие первые жизни. А так как они стали обрывочными, и наша бесценность болела, оказалось слишком мало накопленного материала для успешной постройке естества... И малецык, судя по всему, того даже не осознавая предпочел собственному росту формирование голосовых нитей.

Голос страшного Димурга за время пояснений постоянно дергался, а с последним словом и вовсе потух. Бог до сих пор не смог пережить известия об отклонении в росте у Крушеца.

– Кто об этом знает, Отец? – весьма участливо поспрашал Велет, с сочувствием следя взором задвигающимся по залу старшим Богом.

– Пока только Родитель, Небо, Вежды, Седми, Кали-Даруга, – ответил Перший, и, остановившись подле ног Атефа, с нежностью воззрелся в его лицо. – Но должны узнать все Боги, абы быть готовыми поддержать нашего милого Крушеца.

– Ну, ничего... ничего, – вкрадчиво, успокоительным тоном произнес Велет, и, протянув в направлении стоящего старшего Димурга руку, с полюбовным трепетом прикоснулся указательным перстом к его губам. – Главное, что нет каких других изъянов, которые могли вызвать его тревоги. А рост... Рост Отец ты сможешь уладить.

Отец... и Велет, также как и иные Боги, почасту называл Першего – Отцом, вкладывая в данное величание много большее чем просто старший Зиждитель... что-то родное, значимое и доступное лишь их спаянным Родителем естествам.

Перший порывисто встряхнул головой, точно пробуждаясь от тягостных мыслей. И тотчас приоткрывшая очи змея, склонив вниз свою треугольную голову, уперлась почти в ухо Господа пастью и слышимо для него, что-то зашептала, пред тем, нежно облизав кончиком раздвоенного черного языка всю ушную раковину.

– Милый мой Ярушка, – мягко добавил старший Димург, вероятно, не в силах не то, чтобы говорить о росте, но и вообще о нем вспоминать. – Может, ты все же подойдешь к Велету. Он этого очень жаждет. Желает дотронуться до тебя, прижать, но не смеет попросить, чтобы не напугать.

Юноша поколь неуверенно ступающий в направлении Велета, сделал более скорый шаг. А когда Атеф присев на корточки протянул ему навстречу руки прибавил ходу, и в мале перейдя на бег, прямо-таки влетел в его объятия. Яробор Живко и сам того не осознавая был связан через Крушеца не только с Димургами, но и с остальными Богами, посему и сам нуждался в существенно близком контакте.

– Милый, милый наш мальчик, наша драгость, малецык, – на удивление голос Велета после превращения стал звучать многожды ниже и теперь превратился в певучий, объемный бас. – Так приятно быть подле тебя. Такая удача, что Родитель выбрал меня, а не кого иного.

Атеф ласково прижал мальчика к груди, облобызал не только его лоб, но и как Перший очи, да нежно втянул его дух в себя, прижавшись носом к волосам.

– Ты пахнешь как зеленая поросль травы, – погода вставил он, и теперь уже поцеловал его в макушку. – Такой замечательный мальчик... самый лучший. Мы все... все сделаем, чтобы тебе было хорошо, и сейчас с Мором постараемся, чтобы ты любезный малецык не тосковал, и не грустил. Наша малость... наша малость, – это слово Велет, озвучил впервые. Обаче, оно прозвучало так полюбовно, словно Атеф сказывал о членах своей печищи, где значился самым старшим.

– Мне надобно вас оставить. Родитель желает со мной поговорить, и это впервые после обряда, потому вельми интересно и волнительно, – молвил Перший, останавливая взмахом руки толкования Велета и прислушиваясь к шипению змеи в венце, коя нависнув над его ухом, теперь вгоняла вглубь него свой язык.

Старший Димург зримо волновался и сказал свою речь с легким трепетанием в голосе, ибо понимал, что прибытие Мора и Велета могло привести к его отлету из Млечного Пути... Отлету который ни Ярбор Живко, ни тем паче Крушец сейчас не смогли бы спокойно пережить.

– Ярушка, – мягко обратился он к мальчику, которого уже спустил с рук Атеф, поставив подле своих могучих ног. – Побудешь здесь с Богами, покуда меня не будет? Или отнести тебя в комлю, право молвить Кали-Даруги ноне занята, и сможет к тебе прийти несколько позже.

– Нет, не пойду в комлю, останусь с Мором и Велетом, – спешно отозвался юноша, оно как совсем не желал оказаться в комле, да еще и с Кали, которая вновь поднимет пред ним вопрос о занятиях.

– Хорошо, – верно, уловив мысли мальчика дыхнул Перший и слегка качнул головой, тем самым, то ли высказывая недовольство, то ли просто направляя змею на положенное место в венце.

Змея незамедлительно вытащила из уха Господа свой раздвоенный язык, и, приподнявшись на хвосте, вздела вверх свою треугольную голову, дюже внимательно обозрев не только залу, Мора и Велета, но и самого юношу, точно запечатлела их образ. Засим она также неторопливо скрутилась в спираль в наверхие венца, пристроив голову на хвост, и ядренисто пыхнула зеленью своих очей. Перший, мысленно послав веление сынам приглядывать за мальчиком, развернулся и неторопко покинул залу.

Глава третья

Поколь рябью поигрывали от ухода старшего Димурга зеркальные стены, очевидно, все еще храня в себе его серебристый цвет сакхи, Мор степенно направился к единственному креслу, и, воссев на него, резко вздел вверх руку. Он тем рывком, вроде как содрал со свода огромный пласт колеблющегося облака, на чуть-чуть живописавший фиолетовую поверхность, и скинул его вниз. Ком облака, подобно болиду преодолел расстояние от свода до пола, да гулко плюхнувшись на него, в мгновение ока образовал могучее серое кресло, присыпанное сверху мельчайшей голубоватой изморозью. Велет полюбовно огладил волосы мальчика, и, двинувшись к созданному для него креслу, очень нежно молвил:

– Благодарю, милый малецык, – Атеф не менее степенно опустил в глубины кресла, и те слышимо пухнув, живописали враз под его руками облокотницы, а под ногами, выкатившись из сидалища, долгий лежак. – И, что же ты желал поведать, мой любезный. Я не очень понял твое сообщение, ибо оно дюже спонтанно прозвучало, а переспрашивать не решился, або почувствовал, что ты взволнован. И зачем понадобилось малецыку Усачу срочно все бросать и лететь в Северный Венец?

– Чтобы забрать Стыня, – коротко отозвался Мор, и гулко вздохнув, смолк.

Ярбор Живко с интересом оглядел замерших Богов, не сводящих с него трепетно-полюбовного взора, и принялся шевелить белые низкие испарения укрывающие местами черную гладь пола, разгребая их комковатое полотно правой ногой, стопа которой была обута в серебристую сандалю.

– Малецык Стынь поколь находится в Северном Венце, – все также значимо недовольно и почасту вздыхая продолжил пояснения Мор, явно нуждающийся в слушателе. – Туда оно-гдась прибыл Китоврас, и он присмотрит за малецыком, покуда его не заберет Усач. Там же Усач сам решит передать ли Стыня Асилу, Дивному или все же Воителю, как того сам желал милый малецык. А торопил я тебя и Усача, потому как боялся, что коли задержусь, Родитель наново передумает и пришлет в Млечный Путь Воителя взанамест меня. Сам же знаешь, как было по первому Родителем решено. Вежды мне сказал, ономясь связавшись, чтобы я все бросил и незамедлительно прибыл в Млечный Путь. Ибо он поколь в Отческих недрах и возможно не скоро сможет забрать Стыня, так как предполагает, Родитель его накажет. А как бросить, коли не куда пристроить Стыня. А вдруг у бесценного малецыка случится отключение, надобно чтобы подле был кто из старших и знал как помочь. Мерик после посещения кремника на Хвангуре несколько отупел, как мне кажется... лучше бы продолжал красть чем то, что ноне происходит с ним... Всего боится, трясется и даже исполняет поручения несмело, словно не уверен в своих способностях. Совсем испортили черта эти тупоголовые криксы-вараксы, такая неприятность... такая... Посему я и обратился к тебе и Усачу за помощью. Зная, что Усач никогда не откажет мне, коли попрошу, да и ты тоже... Не решился, однако, беспокоить старших Богов или Воителя, поелику он поколь не выяснит, что? как? зачем? почему? никогда не прилетит. А так Усач заберет Стыня и сам же его доставит к Воителю в Блискавицу али к Асилу в Геликоприон... И вообще, знаешь Велет, порой возникает такое ощущение, что кроме меня и Вежды в нашей печице все призваны только расстраивать Отца... Уж я не говорю о том, чтобы помогать.

– Ну, ну, мой любезный, – Атеф, наконец, перевел взгляд с мальчика и очень ласково воззрился на Димурга, а мышцы на его плечах перекатились туды... сюды так приметно, что заколыхалась материя сакхи, словно жажда порваться. – Что ты такое говоришь, как это так призваны расстраивать нашего дорогого Отца. А потом недолжно тебе, моя драгость, забывать, что ты и Вежды старшие сыны... А скоро ответственность и вовсе многажды возрастет, стоит нашему бесценному малецыку переродиться... Ты должен быть к этому готов... Готов,

что забота о Стыне перейдет в целом на тебя. Поколь малецык будет восстанавливаться, возрастать и Отец, и Вежды будут большую часть времени подле него. И тебе в основном придется участвовать в жизни Стыня, поддерживать Темря и Опеча. Эт, конечно, не значит, что я иль иные старшие Боги не будут вам помогать, но ты должен осознавать свое взросление... свое особое... существенное место среди Димургов.

Велет говорил достаточно неспешно, точно соизмеряя каждое свое слово, включая в речь не только наставление, успокоение, но и всю нежность, каковую испытывал к младшим членам печищ, и особенно к Димургам... К Димургам, в печищу которых, также как и Седми, когда-то желал вступить.

– Я это понимаю, и готов к тому, – отозвался все также досадливо Мор, и провел перстами по грани своего раздвоенного подбородка. – Но это бы еще и иные понимали, те самые, каковые в мале сделаются средними Жиждителями и ответственность на которых будет лежать не меньшая... Ты вот говоришь, не досадуй на Опеча, а как на него не досадовать... как? Замкнулся в своей Апиальной Галактике, ибо, видите ли, занят новыми творениями, которые ему позволил создавать Отец... Представляю, что он натворит там, после пережитого. Непременно, создаст какого-нибудь нового антропоморфа с коим окромя Воителя никто и не справится.

– Ну, зачем ты так? Зачем? – мягкость в певучем, объемном басы Велета принялась нарастать, вроде он желал той звучащей мелодичностью снять напряжение с весьма гневливого Димурга. – Не надобно на Опеча серчать. К нему итак придирчиво относится Стыря, и до сих пор натянуто общается. Отчего малецык Опеч страдает... Посему надо нам старшим проявить миролюбие и разумность. И поступать как Словута али Усач.

– Миролюбие, – произнес совсем надсадно Мор и резко въехал головой и спиной в ослон кресла, чем вызвал его порывисто качание. – Куда еще больше миролюбия. Привез ему Стыня, дабы срочно надо было побывать в Сухменном угорье. Магур-птицы доложили, что в этой Галактике нарастает давление в одной из систем. И попросил Опеча! попросил его, пригляди за малецыком, никуда от себя не отпускай. Так нет же, Опеч взял и отпустил нашу бесценность к Темряю, да еще и на сумэ. Но сумэ создано было надясь, и поколь слабо опробовано в чреваточинах, а вдруг что-нибудь случилось с судном, и драгоценный малецык пострадал. Но это часть беды... Хуже, что он отпустил Стыня к Темряю. Я понял бы если Опеч отпустил нашу кроху к Усачу, Стыре, Воителю или к Словуте. Но к Темряю... это все равно, что к Огню или к Дажбе. Хотя, верно, к Дажбе стало менее задачливо. – Мор нежданно резко дернул головой и махом на его лице дрогнули все жилки, по-видимому, он был чем-то весьма опечален. – Спрашиваю у Опеча, где Стынь? А Стынь давно уже у Темряя... Темряй замечательный малецык, но лишь тогда, когда не экспериментирует... А когда он экспериментирует, да еще подле него Стынь, – теперь Димург горестно вздохнул. – Если бы ты Велет видел, что они там создали. Я просто уверен в том принимал участие Стынь и, вероятно, еще кто-то... Так предполагаю, это был Словута, хотя на него не очень похоже, но некие единицы наследственной информации явственно соответствовали его созданиям. А по поводу Стыня, так малецык почасту вносит в коды такое, что ощущается, наша драгость все еще больна и не оправилась от хвори. И то благо, что Отец сие не видел и Родитель был занят лучицей, иначе незамедлительно бы наказал Темряя... Темря и Отца, конечно же. Ведь в тех созданиях, коли их так можно назвать, были нарушены все генетически информационные покодовые носители. А когда они принялись пожирать саму планету, допрежь того съев всю растительность, животных, птиц, и большую часть людей... я опешил...

– Как это саму планету? – удивленно переспросил Велет, и легонько подавшись вперед, развернув голову, заглянул в утопленное в парах сизо-серого кресла лицо Димурга.

– Так-таки саму планету, – все тем же нескрываемо-раздраженно ответил Мор, и громкий его голос заколыхал туманные полосы на полу, каковые настолько уплотнились, что не желали

расползаться, хотя мальчик все еще пытался их растолкать ногой. – Они стали жрать саму почву, глотать камни. Я еще такого не видел, чтоб создание, глотая землю и камни, не гибло.

Велет зычно крикнул. Вероятно, он хотел рассмеяться, однако страхась сильнее рассердиться и без того недовольного Мора, единожды подавил в себе смех. Оттого и получилось, что он крикнул или хрюкнул. Димург стремительно вскинул взор, дотоль направленный на стоящего недалеко юношу и подозрительно всмотрелся в лицо Атефа, точно заподозрил его в несерьезности. Но так как Велету удалось смехок заменить хрюком, а лицо его, застыв, хранило задумчивую неподвижность, Мор погода продолжил:

– Пришлось срочно... срочно их уничтожать, а они такие верткие оказались. – Димург замолчал, на лице его туго качнулись выступающие вперед желваки, и он весьма огорченно добавил, – не представляю даже теперь, что скажет Отец. От него будет невозможным утаить произошедшего с Палубой. А он так гордился этой планетой, где достаточно продолжительное время по оставленным им законам в благополучие жили людские племена. Всяк раз когда Отец бывает в Галактике Татания, он залетает в систему Купавки на Палубу. И что теперь делать... не представляю себе... Я заставил, конечно, асанбосам переселить выживших людей в одну из свободных систем Татании. Благо их басилевс Токолош на тот момент был недалеко, и сразу прилетел на ногах со своими приближенными, но ведь жалко Палубу.

Велет энергично вскинул вверх руку и широко расставленными перстами прикрыл часть лица в районе губ, схоронив, таким побытом, сияние улыбки. Еще миг и, очевидно, не в силах сдерживаться, он, громко загоготав, отметил:

– Будем надеяться, что наша драгость Крушец не унаследует присущие только вашей печище способности во всем экспериментировать, або тогда и впрямь кроме Отца серьезных Богов у Димургов не будет, – и вовсе гулко заухал так, что закачавшее своей перьевистостью кресло принялось сбрасывать вниз целые лохмотки облаков.

– Не пойму чего тут смешного? Что теперь сказать Отцу? – обидчиво отозвался Мор и купно свел свои прямые, черные брови в кончики, которых были вставлены камушки приподнимающие уголки глаз вверх да придающие лицу выражение недоумения.

– Что сказать. Как есть, так и сказать, – уже многожды ровнее молвил Велет, как-то весьма резко прекращая греготать, ибо услышал обидчивые тонки в голосе Мора... Мора, каковой слыл его любимцем, и всегда пользовался тем расположением. – Что ж теперь делать, коли Стынь дитя, а Темряй не намного его старше. Малецкам сие шалопайство присуще и пропустительно. Жаль, конечно, что их чудачество коснулось дорогой Отцу планеты... А почему она подверглась такому разрушению, я не пойму. Ты, что милый мой, не мог как-то помягче расправиться с теми созданиями?

– Не мог, – тихо проронил Димург и медленно поднялся с кресла, желая тем скрыть свое огорчение от старшего брата. – Весьма, потому как разгневался. Уже ничего не мог творить мягче.

– А на кого те создания были похожи? Как они выглядели? И почему стали есть почву и камни? – внезапно подал голос Яробор Живко, как оказалось внимательно слушающий Богов и токмо для отвода глаз взбивающий испарения на полу. – Камни? – спросил он вновь, – разве можно перекусить камень? – мальчик тотчас стукнул промеж себя зубами, вроде проверяя их крепость.

– Они их глотали, – повышая голос, и немедля убрав с лица, и обобщенно с фигуры все недовольство откликнулся Мор. – А выглядели весьма ужасно, – дополнил он, глядя на юношу сверху вниз. – Никакой пропорции и полное отсутствие принципов физиологического построения существующих созданий. Точно в них единожды сошлись коды разных творений, которые Родителем категорически запрещено смешивать, абы необходимо придерживаться выставленных им правил.

– А на кого они похожи? – перебил дюже пространственную речь Господа Яробор Живко.

Он, непременно, хотел вызнат как можно больше о том, что его заинтересовало в рассказе Мора. Одначе, задавая вопросы, как всегда спрашивал только про определенные вещи, словно получал информацию не для себя, а для Крушеца.

– Похож, – задумчиво повторил Димург и неспешно пожал плечами, ибо был весьма слабо знаком с животным миром не только Земли, но и в целом Галактик. – Похож на кого-то... Но явно не на тех существ, которые обитали на Палубе, оно как те камни не глотают.

– Он похож на медведя, лося, волка, вепря? – спросил Яробор Живко, стараясь направить пояснения Господа в том направлении, в каком ему станет понятен и сам образ создания, и место где он обитал. – Или может это змея, ящерка... На кого внешне похож?

Мор не столько не желал ответить, сколько не представлял себе, как можно объяснить мальчику им видимое существо, сызнава пожал плечами.

– Тогда покажи, – Яроборка стал зримо волноваться, так как жажда знаний нежданно напоролась на простое недопонимание. – Перший тогда, создал из облака Галактику, – пояснил он и резко толкнул ногой пары плотно облепившую стопу и щиколотку. – И ты так сделай.

– Перший создал из облака Галактику? – изумленно переспросил Мор и губы его мало-заметно колыхнулись. Мальчик торопливо кивнул. – Но я не смогу создать образ того творения, – произнес достаточно умягчено Господь, узрев волнения юноши и стараясь его погасить. – Поелику весьма плохо его запомнил. И мне трудно с чем сравнить данное создание... Но все же большей своей частью он, наверно, напоминал змею.

Яробор Живко внимательно выслушав объяснения, дюже пронзительно всмотрелся в лицо Бога, словно хотел вызнат все им затаенное, чувствуя общую недосказанность в его ответах, и тягостно вздохнув, молвил:

– А что такое река Смородина? Она, как и все иное, это я уже приметил, имеет непосредственную связь с космосом.

– Река Смородина, – немедля отозвался Велет, приходя на помощь своему любимцу Мору. – Так насколько я ведаю белоглазые альвы зовут чревоначину, при помощи которой мы путешествуем средь Галактик.

– А кто такие белоглазые альвы? – тотчас вновь поспрашал Ярушка и тронувшись с места, направил свою поступь повдоль залы.

Он внезапно болезненно скривил губы, и, приткнув к виску ладонь, слегка вроде как придержал голову.

– Племя, созданное Седми. Это вельми хороший народ, они великие знахари и учителя людей... Призваны обучать человечество наукам волхования и звездной мудрости. Их помощью почасту в воспитание людей пользуются не только Атефы, но даже и Димурги, – ответил Велет и тревожно переглянулся с Мором, так как от них обоих не ускользнуло движение губ и руки мальчика.

– А ты, Мор, знаком с белоглазыми альвами? – определенно, прав оставался Седми, поток вопросов у Яробора Живко возрастал с каждым принятым ответом.

Мальчик нежданно резко остановился, и обхватил голову и второй рукой, губы его тягостно сотряслись, а из макушки порывистой зябью выбилось смаглое сияние, озарив, кажется, всю плоть тем светом.

– Нет, – Мор торопливо шагнул навстречу юноше, понимая, с ним происходит, что-то весьма странное, и, желая поддержать. – Я с этим народом не знаком... не пришлось. А ноне и вообще мне без надобности.

– А я знаком, – сие, похоже, сказал не Яроборка, а глухо дыхнул сам Крушец.

Прошло не больше нескольких секунд, когда мальчик весь напрягся, и надрывисто качнул головой, часто... часто задышав, точно задыхаясь. Еще морг и пред его очами густой хмарью промелькнуло видение. И также стремительно огромный, точно стеклянный осьминог с мощным телом и двумя большущими челюстями (напоминающими клюв), купно блеснул

крупными очами, выплеснув из них вперед тонкие лучи света, пробивая ими марево густого космоса с кружащими окрест голубыми, багровыми и желтыми испарениями, где скользили, вращаясь, звезды, системы, планеты, астероиды, спутники, кометы, болиды. Он стремительно выбросил в стороны, свои подвижные восемь щупальцев, широко раззявив их, и показал голубоватое колышущееся брюшко. Из центра которого энергично вырвался светозарный луч и наотмашь ударил... Ударил Яробора Живко в лоб... так, что он звонко крикнул и почувствовал как скоро... скоро застучавшее сердце переполнив грудь попыталось рывком остановиться или разорваться.

«Господин, надобно дышать часто, будто нагоняете быстроту своего дыхания желая взлететь,» – послышался ровный голос Кали-Даруги наставляющий его на занятиях.

И в такт скорому бою сердца, Ярушка часто... часто задышал. Легкие махом отяжелели и укрупнившись, надавили на сердце, и, всколыхнув в нем кровь, помогли ей выплеснуться в сосуды, не позволив сему центральному органу плоти остановиться или разорваться. Обаче, тело юноши далее не знающее как действовать (ибо демоницу он ни разу, ни дослушал до конца) резко окаменело. Ноги не в силах держать рывком дрогнув, испрямились, и, не будучи способным, стоять, мальчик плашмя упал на пол, врезавшись в его черную гладь лицом, подтолкнув вперед испарения и тотчас исторгнув энергетический зов в пространство самой лучицы. В этот раз юноша не потерял сознание, однако, на какое-то время утратил ориентир в пространстве, а когда сызнова обрел себя и спало окаменение с конечностей, оставив небольшую корчу в лодыжках, услышал встревоженный говор Велета:

– Мор, мой милый малецык, как ты?

– Мальчика, мальчика подними, – едва слышно прозвучал голос Мора, в котором Яробор Живко безошибочно уловил испытываемую им мощную боль, отчего тягостно простонав, дернул ногами.

Велет, в первое мгновение не сообразив, что произошло, днесь торопливо поднялся с кресла, и, шагнув к младшему брату, придержал его за локоть. Димург, как допреж юноша обхватив обоими дланями голову, дышал через раз и вместе с тем тяжело покачивался вправо... влево.

– Мальчика, мальчика, – прошептал Мор своими махом почерневшими губами, где, как и на всей коже, погасло золотое сияние, и сама она стала густо темной.

Велет также спешно ступил к недвижно лежащему в парах облаков на полу мальчику и присев подле нежно огладил его спину, да также бережно попытался приподнять с пола, чтобы прижать к себе.

– Не тронь! Не тронь меня! – истерично громко крикнул Яробор Живко и порывчато оттолкнул от себя руку Бога.

Он также рывком сел, поджал к груди ноги и схоронил лицо в коленях... Стараясь сокрыться от всех, переживая видение и осознавая, что испытываемая Мором боль была последствием его крика... его нежелания заниматься с Кали. Велет немедленно убрал руку от юноши, не желая его еще больше тревожить, и опасаясь повторения видения, болезненных не столько для него, сколько для его любимца Мора. Впрочем, не желая оставлять мальчика на полу, Бог, легохонько взмахнув руками, подгрел к нему со всех сторон туманные испарения, которые сначала окружили, а потом словно подползли под него. Еще миг и они энергично, вспухнув, приподняли Яроборку над полом, образовав под ним объемный, круглый, чагравый пухик.

– Мор, – беспокойном молвил Велет, и, поднявшись, шагнув к брату, придержал его покачивающееся тело. – Надо снять обод, – участливо произнес он, помогая Димургу воссесть на кресло, и сам, опускаясь на присядки напротив. – Отец ведь сказал тебе, малецык надо снять обод, украшения... все, что непосредственно связывает тебя и пространство. Иначе ты вмаде будешь похож на Вежды. Мой милый, дорогой малецык, моя любезность.

Полюбовно протянул Велет и провел перстами по щекам, сомкнутым очам Мора перемещая с их кончиков золотое сияние на почерневшую от боли кожу Господа, снимая с него напряжение и умиротворяя. В залу можно сказать стремглав влетела рани и перво-наперво тревожно оглядела недвижно сидящего на облачном пуфике Яробора Живко. Затем она также скоро пробежалась взглядом по фигурам Мора и Велета да легохонько закачала головой, несомненно, расстроившись произошедшему. Кали-Даруга также спешно сойдя с места, в пару секунд достигла мальчика, и, остановившись подле, едва ощутимо и вскользь пройдясь руками по его спине и голове, заботливо протянула:

– Ом! дражайший мой господин.

– Не трогай! Не трогай меня! – горько произнес Ярушка и тягостно сотрясся, подавляя в себе рыдания, абы они дюже желали выплюнуться из глаз и рта.

– Господин, – не отступала Кали-Даруга, потому что ведала, как нужно вести себя с мальчиком. – Весьма страшное видение, надобно выпить вытяжку, чтобы не было повторного.

– Отстань! Отстань! – молвил юноша совсем тихо, стараясь совладать с ужасом, охватившим все его тело, стараясь справиться со слезами и успокоиться, так как понимал, что коли ему не удастся, всю боль он вновь выплеснет на Мора. Так как когда-то выплескивал на Вежды, каковой заболел и отбыл из Млечного Пути, как Яробор считал, именно по этой причине.

– Не подходи ко мне! Не трогай! – звучало и вовсе приглушенно, тем Яробор Живко старался не столько огорчить рани Черных Каликамов, сколько жаждал задеть себя, оттого терпеливо сносил сызнава начавшуюся корчу пальцев на ногах.

Кали-Даруга четко улавливала тайный смысл не только сказанного, но и не досказанного, потому не отходя от мальчика, нежно целуя перстами, оглаживала его волосы на голове, проводила ладонями по спине, рукам. Она ощущала корчу на ногах юноши, видела, как резко вздрагивают его согнутые в коленях ноги, но поколь ничего не предпринимала, лишь ласково уговаривала:

– Мой дражайший господин, надо, непременно, успокоиться, выпить вытяжку. Вы ведь знаете, ежели видения пришли, нынче могут повториться.

– Не хочу спать, – несогласно отозвался Яробор Живко, и, подняв голову, воззрился в лицо рани, зримо передернув губами от теперь выплеснувшейся в правую лодыжку судороги и срыву дернув ногой, принялся ее растирать дланью.

– И не будете. Вытяжка только снимет напряжение, волнение, – мягко пояснила Кали-Даруга, и ноне вже смелее огладив мальчика по волосам, ретиво переместила все четыре руки к больной ноге, принявшись сама растирать корчившую лодыжку. – Чтобы не было повторного видения.

– Вы меня отправите на Землю... а...а..., – застонав протянул юноша, ибо спадающая корча с лодыжки выплеснулась болью в грудь. – Я умру... умру Кали... Умру там! Скажи! Скажи Ему! Ему Родителю, что я не буду! не буду заниматься... Не хочу, не могу с вами расстаться! С вами и особенно с Отцом.

Демоница торопко выпустив из своих крепких рук помягчавшую ногу Ярушки, резво обхватив его тельце, любовно прижала к себе. И разком оплела всеми четырьмя руками тем самым стараясь вытянуть из него все волнение... всю боль и тревоги.

– Такое страшное видение, такое, – уткнувшись в грудь рани лицом, прошептал юноша. – Я знаю... знаю, это гибель... смерть Земли. И я словно, словно был на этой Земле или сам, сам был ею... Ею Мати Землей, живым созданием, дышащим, осознающим свою гибель, плачущим. Ох! Ох! почему я должен это видеть? Почему она погибнет? Зачем?

– Тише господин, – ласково произнесла Кали-Даруга, чувствуя, как податливо-мягкой стала плоть мальчика, теперь с него однозначно спало напряжение, абы он выговорился. – Мой дорогой господин, выпейте вытяжки, прошу вас. И сразу спадет тревога и вам станет многожды легче.

– Хорошо, – согласно отозвался Яробор Живко.

Однако, поколь не собираясь покидать объятий демоницы, кои были так схожи с объятиями его матери... Матери, смерть каковой мальчик так и не пережил. Посему такой хрупкий, нуждающийся в опеке враз почувствовал в рани именно материнское начало, заботу, теплоту, ласку в которой так нуждался... Нуждался не один он, а еще и божественный Крушец.

– Наш дражайший господин, – нежно запела рани демонов, заручившись согласием плоти, она теперь желала снять всякое напряжение с лучицы, оной в целом и была призвана служить. – Вы такой умница... умница. Такой способный мальчик, вспомнили мои наставления, вы самое настоящее чудо.

– Мору было больно... Было больно, какой я умница. Я только и запомнил, что надобно часто дышать, – прошептал Яроборка в грудь демоницы, стараясь тем принизить себя, так как был не в силах слышать про себя хорошее, после того как доставил Господу боль.

– Но ведь это единственное, что я вам сказывала, мой дражайший господин, – дополнила рани и слегка ослабив объятия, прошлась перстами по голове и спине юноши, нежно целуя их. – Единственное, что озвучила. И вы такой способный сумели использовать. Я еще не видела таких замечательных господ, таких способных, уникальных мальчиков.

– Не говори, не говори так Кали. Я того не заслуживаю, – протянул парень, ощущая всем своим естеством полнейшую благодать подле демоницы и говоря это теперь не в меру собственного унижения, а лишь для того, чтобы услышать ту самую любовную молвь.

Рани Черных Каликамов незамедлительно обхватила руками голову мальчика и слегка отстранив от себя, пронзительно всмотрелась в его зеленые усыпанные карими брызгами очи. Не прекращая иными двумя руками голубить волосы и спину Яробора Живко, Кали-Даруга весьма нежно, вкладывая в каждое слово трепет, испытываемый к Крушецу, проронила:

– Драгоценный наш господин. Вы такая бесценность для Зиждителей, для Родителя. Самое дорогое, что есть... вообще есть во Всевышнем. Все Боги тревожатся за вас, любят, жаждут встречи. Ибо вы столь чудесны, совершенны, чисты, что находится вдали от вас все равно, что не дышать. Дражайший, бесценный господин, пройдет совсем малая толика времени и вы станете Господом, – днесь демоница, определенно, говорила с Крушецом, потому голос ее значительно понизился и зазвучал приглушено-низко. – И будете подле Господа Першего. Но ноне надобно слушать мои наставления, нужно выполнять обещание вами выданное. – И вновь голос ее набрал силу, теперь поучения направлялись на мальчика, – надобно заниматься, дабы не изводили видения, и вы не нервничали.

Кали-Даруга резко смолкла. Так как действуя с особым умением вела свои поучения лишь до того мгновения, пока они не вызывали в Яроборе Живко и Крушеце недовольства. Потому каждый раз демоница постепенно их удлиняла, и тем самым никогда не вызывала досаду ни в первом, ни во втором.

– Такой умный, красивый, одаренный господин. Наша драгоценность, – досказала свои любовные величания рани. – Сумантра принесла вытяжки, чтобы вы успокоились, господин, – последнюю фразу она дополнила как-то отдельно от всего досель сказанного, и тотчас широко улыбнулась, отчего единожды затрепетал на ее подбородке второй язык.

Кали-Даруга легохонько подалась вправо, выпуская лицо юноши из объятий и давая возможность Сумантре, как она представила служку, подать на серебряном, круглом блюде стеклянный кубок с крышечкой. Служка, шагнув вперед, еще ниже склонила свою голову и протянула навстречу мальчику блюдо с кубком.

– Ой, – изумленно зыркнув на Сумантру дыхнул Яробор, понеже видел ее таковую впервые. – Она не похожа на тебя, это тоже демоница?

– Да, господин, демоница. Ее зовут Сумантра, она заменила улетевших моих сестер. И основой жизни Сумантры является служение мне, – отозвалась рани Черных Каликамов да приняв с блюда кубок, открыв на нем крышечку, подала его юноше.

Это была похожая на рани Черных Каликамов демоница. Хотя в отличие от Кали-Даруги Сумантра имела только две руки. У нее не было третьего глаза, впрочем, сохранился второй язык пролегающий по подбородку. Голубая кожа демоницы смотрелась много бледней. На лице в области переносицы лицезрелись два прокола, в виде маленьких серебряных шариков. Обряженная в блекло-фиолетовый сарафан, Сумантра черные, прямые волосы заплела в мельчайшие, не больше ширины перст, косички, одновременно собрав их в плотный хвост. Служка, замерев в двух шагах от рани, весьма низко клонила свою голову, и потому стало сложным разглядеть черты ее лица, цвет глаз и форму носа. Однако, даже мельком глянувшая на Яробора Живко Сумантра поразила его миловидностью черт лица и гладкостью линий фигуры, миниатюрностью талии, округлостью бедер.

Мальчик, взяв кубок, принялся неторопливо пить солоноватую, бурую вытяжку, и протяжно вздыхать, так как тяготился ранее проявленной грубостью к Велету и рани. Он еще какое-то время вглядывался в стоящую напротив него Сумантру, и, опорожнив кубок, да вернувшись на блюдо, спросил, обращаясь к Кали-Даруге:

– Я ее мог видеть?

Рани колготно пожала плечами, не столько не желая отвечать, сколько понимая, что отвечать правдиво сейчас не стоит, абы лишний раз не взволновать.

– Ну, конечно видел. В той своей жизни, когда жил подле тебя Кали. Как меня тогда звали? – догадливо молвил Яробор Живко и утер лицо ладонью, где мгновенно на лбу и на носу выступил бусенец пота, таким образом, окончательно выгоняя из плоти остатки волнения.

Кали-Даруга слегка качнула головой и служка, стремительно развернувшись, поспешила вон из залы.

– Нет, господин, Сумантру, вы не могли видеть подле меня, або она очень юная демоница, и стала моей помощницей совсем недавно, – достаточно уклончиво отозвалась рани Черных Каликамов и нежно провела перстами подносовой ямке мальчика, убирая оттуда каплю воды.

Служка тем временем уже тюкнулась в зеркальную стену залы, кажется, мгновенно пустив зябь волнения по его серебристой поверхности, также скоро сменившейся на вступившего в помещение Першего. Войдя в залу старший Димург стремительно окинул взором находящихся в ней, и, остановив его движение на сыне, подле которого все еще на присядках сидел Велет, беспокойно спросил:

– Мор, малецык мой милый, как ты?

– Все хорошо, Отец, – отозвался тот... И впрямь сейчас благодаря поцелуям и присутствию подле него Атефа, Мор выглядел многожды живее.

– А ты, Велет? – с той же тревогой спросил Перший у Атефа.

– Я дубокожий, Отец. Мне терпимо, – громко гыкнув протянул Бог и на его плечах сызнава заходили ходором покато выпирающие мышцы, желаю надорвать материю сакхи.

Перший сошел с места и медленной поступью приблизился к мальчику, он протянул в направление его головы руку и нежно огладил выющиеся русые волосы.

– Господин очень способный мальчик, – негромко произнесла Кали-Даруга, по-видимому, стараясь его защитить.

– Да, моя бесценная живица, – чуть слышно отозвался старший Димург и малозаметно кивнул. – Я это увидел... Впрочем, как всегда... Умный, любознательный, способный... – Губы Господа перестали шевелиться, и слышимо только для демоницы, он дополнил, – это предпочтения нашего драгоценного Крушеца.

– Что сказал Родитель? – торопливо поспрашал Мор, он, как и иные, не слышал последней фразы Отца, потому и встрял в толкование. Его кожа уже полностью приобрела положенное золотое сияние, а голос на удивление стал вновь звучать недовольно.

– Сказал, чтобы я не давил на мальчика, – задумчиво поглядывая на Яробора Живко и вероятно прощупывая его, ответил Перший.

– Значит, ты не улетаешь Отец? – не менее возбужденно выдохнул Велет и степенно поднявшись с корточек, развернулся в сторону старшего Димурга.

– Поколь нет, мой дорогой, – бас-баритон Першего стремительно потух.

И, кажется, он весь замер, продолжая пронзительно всматриваться в мальчика. Нежданно его полные уста, судорожно дернувшись, искривились, змея в наверхие венца также зараз потеряв золотое сияние, стала иссиня-черной и сердито зыркнула в сторону Мора. Прошло еще пару минут той тишины и Перший негромко дыхнул, обращаясь к сыну:

– Малецык... что там произошло на Палубе? Зачем пришлось срочно переселить людей в систему Волови очи, на планету Звездац?

Глава четвертая

В тот же день, укладывая Яробор Живко спать, Кали-Даруга напоив его вытяжкой (без коей он теперь плохо засыпал, або, как говаривали бесицы-трясавицы, сбил физиологические часы Земли) нежно произнесла:

– Мой дражайший господин, должна вам кое-что передать.

Демоница смолкла, тем давая время приготовиться к ее речи юноше, а сама принялась прикрывать его тонким, серебристым одеяльцем. Яробор Живко разком качнул головой, и с интересом воззрелся на рани, малость даже напряглись черточки на его лице. Кали-Даруга подпихнула под голову мальчика подушку, и неспешно опустившись на ложе подле, почитай на сам краешек, словно страшась потеснить своими грузными формами, дополнила:

– Передать от Родителя, – голос демоницы и вовсе понизился так, чтобы не встревожить юношу.

Однако, легко возбудимый Яроборка торопко вскинул вверх голову, глаза его от волнения увеличились. Рани Черных Каликамов полюбовно надела перстами левой руки на его лоб, возвращая голову вновь на подушку и единожды лобызая кожу, да поигрывая тональностью голоса, продолжила сказывать:

– Родитель вас очень любит и весьма о вас беспокоится, – глас демоницы полюбовно напевал, одновременно успокаивая теплотой взора, где в очах в густой тьме космоса кружили золотые лепестки света. – Родитель не станет вас ноне отправлять на Землю, коли вы того сами не пожелаете, ибо встревожен тем, что вы все время думаете о смерти. Сейчас это не допустимо, так как может привести к гибели вашего естества, лучицы, души, – более доступно пояснила Кали-Даруга.

И принялась, словно птица, обустроить гнездышко подле своего птенца. Она заправила под ноги и руки юноши одеяло, подпихнула под плечи маленькие подушки, подложила еще с десяток мелких повдоль вытянутых конечностей, и лишь потом дополнила:

– Днесь никак недолжно думать о смерти, только о жизни... долгой... спокойной. Для того будет все устроено. Потому вы будете оставаться на маковке столь долго, сколько того пожелаете, чтобы успокоится и конечно, ежели того пожелаете, научиться справляться с видениями.

Яробор Живко слушал рани Черных Каликамов внимательно, и как только она смолкла, закрыл глаза и уснул. Кали-Даруга все рассчитала до долей секунд, чтобы с последним ее словом плоть заснула, чтобы впитала ее речь и осмыслила все вже после пробуждения. Но стоило мальчику уснуть, как демоница выдержав не больше пары минут, заговорила с лучицей, и на этот раз губы ее не шевелились, а в комле слышались лишь щелчки, быстрый треск, скрип и стонущие звуки, словно воспроизводимые единым мотивом:

– Господь Крушец, наш дражайший Господь, – сказала лучице рани. – Родитель просил передать для вас, чтобы вы не тревожились. Ваш Отец будет подле столько, сколько вам понадобится. Родитель не отошлет Господа Першого из Млечного Пути. Он не станет вас расстраивать, но и вы... Вы, Господь Крушец, в ответ исполните обещанное, не теребите мальчика, вспять подтолкните к обучению, ибо это нужно вам обоим. И успокойтесь, не нужно тревожиться и беспокоиться, поелику вы слишком... слишком любимы Родителем. Наше бесценное чудо, наша драгоценность. Милый, любезный мальчик Господь Крушец.

Именно эта полюбовная речь демоницы и обещание Родителя, Крушецу, не отсылать Першого из Млечного Пути подтолкнули Яробора Живко к тому, чтобы после пробуждения он приступил к занятиям. Неизвестно, чем удалось снять напряжение с плоти обещанием Родителя или все же давлением Крушеца, впрочем, мальчик с этого момента стал заниматься с желанием. Яробор Живко, конечно, и сам более не хотел доставлять боль Морю, жаждал прекраще-

ния видений, и подталкиваемый успокоительной молвю лучицы, ноне прилагал все усилия, чтобы освоить даваемое Кали-Даругой.

Право молвить, по первому, он не мог справиться с видениями, хотя вmale удалось научиться распознавать их, как таковой приход. Немного погодя Яробор уже даже не терял сознания, однако все еще сохранялась корча конечностей и окаменение, как и выбрасываемый Крушецом зов на Родителя... зов, а значит и боль на Мора.

Видения, как и допрежь того, то не приходящие подолгу, то внезапно выплескивающие целыми пластами несли в себе один и тот же фрагмент гибели Земли от луча, пущенного из брюшка стеклянного осьминога. Или живописали плотно покрытую горами мусора местность планеты, где вперемешку лежали куски, отломки, лохмотки, шматы, фрагменты... древесины, пластика, металла, резины, стекла... одежды, посуды, мебели, инвентаря, игрушек... И где-то точно справога окоема тулился тот самый грязный, исхудалый человек. Плоть, которого едва прикрывала рвань тряпья... Черный... толь от жизни... толь от грязи, он лежал прямо в густоте того мусора и сотрясался всем телом, гулко стеная, пуская кровавую слюну изо рта.

Если вначале, Яробор Живко переживал данные видения, не проронив слезинки, в силах справиться с охватывающей его болью. То погодя, окруженный особой заботой Кали-Даруги и Богов, по мере занятий, которые не приносили ничего кроме боли Мора, начинал нервничать и сызнова упрекать себя только теперь в тупости.

– Почему, почему я не могу сделать, как ты учишь, Кали? – вопрошал он рани, мешая всхлипы и слезы, растирая перстами виски и очи.

– Ничего, ничего, – участливо говорила рани Черных Каликамов, и, обнимая мальчика, успокаивала его поцелуями своих перст. – Этому господин весьма сложно научиться. Нужно время. Вы слишком к себе требовательны и несправедливы. Мы итак каждый раз продвигаемся вперед, и днесь почти не было корчи. Все получится, важно не волноваться. Нужно быть степенней, господин и помнить мои наставления.

– Что? Что я вижу? – позже, когда приходил его успокоить Перший, мальчик обращал к нему.

– Гибель планеты Земля, – также умягчено отзывался старший Димург, прижимая юношу к своей груди и целуя в лоб и очи. – Гибель она может быть разной. Порой от собственного людского безумия и вырождения, а порой от северги Богов.

Рани Темная Кали-Даруга не только обучала Яробора Живко, она всеми силами пыталась возродить в нем желание находится подле людей, вернуться на Землю, каковое было задавлено мощным давлением Крушеца. Обаче, теперь, когда успокоенный обещанием Родителя Крушец перестал давить на плоть, мальчику понадобилась помощь демоницы. Потому последняя неоднократно говорила с юношей о Волеге Колояре, Айсулу, людях оставленных им на Земле и ожидающих его возвращения. Особенно часто Кали-Даруга рассказывала о девочке, поясняя, что та за ним скучает... иногда даже показывая ее образ.

– Как покажешь? – впервые услышав такое предложение, удивленно спросил Яробор Живко.

– Покажу Айсулу, ежели желаете, мой господин. Не саму конечно, а образ девочки, – вкрадчиво проронила Кали-Даруга.

Они сидели в комле, расположившись, как и всегда на полу. Мальчик на ворсистом ковре, демоница напротив на плоском тюфяке. Яробор Живко подозрительно посмотрел на рани, точно не доверяя услышанному, а потом все же поспрашал:

– Разве такое возможно? Ты же ее не видела? Ее, Айсулу? Ты же все время здесь, подле меня.

– Видела, – проникновенно отозвалась демоница, и, поднявшись с тюфяка, пересела на ковер ближе к мальчику. – Давеча я была на Земле. Господь Велет меня туда относил, так

как я желала увидеть девочку сама. Сама, потому что Блага сказывала мне, что Айсулу очень сильно скучает за вами и почасту плачет.

Юноша медлительно отклонился от рани, сейчас вспять желая стать от нее как можно дальше, его глаза враз увеличились, и в их уголках блеснули круглые горошины слезинок, а губы трепетно дернувшись, негромко протянули:

– Ты мне сказываешь про Айсулу нарочно, оно как ведаешь, что я за ней тоскую.

– Она ведь вам нравится? – голос демоницы многожды понизился, и словно вполз в уши мальчика. – Потому я о ней и толкую, но если вы не желаете, господин, я вас более не потревожу.

– Нет! нет! – спешно откликнулся Яробор Живко и также скоро дернулся в направлении Кали-Даруги страшась, что она уйдет или передумает ему показывать Айсулу.

Айсулу...

Мальчик и впрямь по ней скучал, скучал еще и потому как очень умная демоница ведала, что надо делать. Как говорится «невеличка капля, а камень долбит». Так точно поступала и в отношении юноши Кали-Даруга, каждый раз по капле сказывая ему о Земле и девочке. Нет, Яробор Живко не перестал желать быть подле Першего, но подталкиваемый и Богами, и демоницей, и самим Крушецом все чаще вспоминал Землю, а вместе с тем всех тех, кого там оставил. Не только Айсулу, влекосилов, кызов, но и лесиков, своих братьев, сестер, сродников, с которым имел физическую общность.

– Нет, Кали, я хочу... хочу, чтобы ты о ней говорила. Хочу, чтобы показала, – дыхнул мальчик и схватил рани за перста одной из правых рук. – Просто я боюсь не выдержать разлуки с Першим.

– А разве я говорила о разлуке, господин? – полюбовно спросила Кали-Даруга и утопила в своих четырех руках пальцы и ладонь юноши, оплетя их и единожды облобызав. – Ведь я передала вам слова Родителя, чтобы вы не тревожились и не изводили себя мыслью о разлуке с Господом Першим. Ничего поколь не изменилось.

– Тогда покажи, – это Яробор Живко едва шепнул и взволнованно уставился в лицо демоницы.

– Вы только господин не тревожьтесь, чтобы не пришли видения, – еще нежнее пропела рани, и враз обхватила всеми четырьмя руками мальчика за плечи и голову да уставилась в ее лицо своими черными глазами. – Позвольте мне передать вам, господин, что я видела. Позвольте мне передать вам увиденное, мой дражайший мальчик.

Яробор Живко не отозвался, и как это почасту бывало, за него ответил Крушец. Он неожиданно вельми четко сказал так, что слова те гулким согласием прошелестели в голове парня. И незамедлительно в очах Кали-Даруги, завертелись, многожды свершая круговерт золотые нити, вmale подавляя всякую черноту и окрашивая в ярко желтый цвет всю поверхность склеры. Миг погода в голубой склере третьего глаза демоницы лучисто блеснула золотая полоса, и мальчик всматриваясь в нее, внезапно увидел, как резко по той поверхности пролегла трещинка, стремительно разомкнувшаяся на две створки, и он оказалась в межгорной долине, замкнутой со всех сторон грядями гор. Соляная морока кружила приметным туманом над поверхностью озера, колыхая не только воду в нем, но и высокие травы подле берега. Айсулу обряженная по легкому, в долгий без рукавов сарафан и с распущенными волосами, неотрывно смотрела на удлиненно-прямоугольный валун, увенчанный сверху округлой головой, коя также как и у влекосилов имела зримый хохол, выпуклые формы лица: лба, носа, губ и усы. Ниже под лицом пролегла вырезанная рука, удерживающая на стане рукоять меча, а подле самой земли живописались широкой полосой рунические письмена. Айсулу опустившись на корточки, пред камнем трепетно провела по тем письменам пальцами и слышимо вздохнула, а после горько заплакала. Здоровущие слезы, переполнив ее водянисто-голубые очи, на малость, кажется, поглотив и саму радужку, выплеснувшись, заструились по щекам вниз.

Яроборка резко дернулся, и, выскочив из удерживающих его рук рани, плашмя, точно подрубленный, упал на спину на ковер, немедля сомкнув глаза.

– Господин, – обеспокоенно молвила Кали-Даруга, и, приподняв юношу с ковра, оплела его всего своими руками, крепко прижав к груди, таким образом, чтобы макушка головы при-
ткнулась к ее подбородку. – Вам нехорошо? – спросила она заботливым тоном, а засим приня-
лась нежно его покачивать вправо... влево... тем самым снимая напряжение... успокаивая...
умиротворяя их обоих... ее мальчиков Крушеца и Яробор Живко.

Впрочем, Кали-Даруга, все рассчитала верно, и увиденный образ Айсулу сыграл значи-
мую роль в перевороте желаний мальчика. И теперь он стал все меньше и меньше говорить
о смерти и страхе разлуки с Першим. Скорее всего Крушец окончательно отпустил желания
Яробора Живко, очевидно, пожалев и саму плоть, и людей, что зависели от нее. Предоставив
возможность мальчику, самому определиться с выбором своего места в этой жизни.

Обаче, поколь Яроборка окончательно ни в чем не определился и находился словно
на перепутье. Вместе с тем он все чаще говорил с демоницей об Айсулу, а иноредь даже про-
сил принести ее образ. Боги: Перший, Велет, Мор, и, несомненно, сам Родитель, замерли,
страшась спугнуть мальчика. Но дело, как и было положено, находилось в руках мастера...
Мастера, которому не раз удавалось убеждать весьма непокорные, строптивые и упрямые
лучицы и плоти в коих они обитали.

Глава пятая

– Когда Отец прилетит Темряй? – спросил у Першего Велет, поглаживая стоящего подле его кресла мальчика по голове.

Яробор Живко ухватил мощную руку Бога за мизинец, и, приблизив его кончик к устам нежно поцеловал, тем самым поблагодарив за исполнение просьбы. Ибо Велет всяк раз как он того желал, относил рани Темную Кали-Даругу на Землю. Однако, озвучить своей благодарности юноша вслух не решался, так как действовал всегда только через демоницу, потому выражал признательность теми самыми поцелуями. Но и этого было достаточно, чтобы все три Бога довольно вздыхали, в надежде, что вмаде Яробор Живко пожелает вернуться на Землю без нажима сам.

– Думаю скоро, – задумчиво произнес Перший, не сводя взора с мальчика и явственно удовлетворенно улыбнулся. – Как только у нашего Ярушки получится преодолеть видение, ибо малецыки их чувствуют на расстояние, благо не так мощно, как наш милый Мор.

И впрямь Мор весьма болезненно переживал цепь видений юноши, но все время старался данное состояние скрыть от Отца, Кали-Даруги и, конечно, Родителя. Определенно, страшись, что его заменят на Воителя, тем паче Вежды поколь находился в Отческих недрах Родителя. Обаче, за этот промежуток времени, что Мор пробыл в Млечном Пути на маковке, Яробор Живко мощно привязался к нему, перенеся свою чувственность с Вежды на этого Димурга. И почасту проводил подле него свое время. Мор на удивление безошибочно научился угадывать интересующее лучицей и отвечал на вопросы так как того жаждали. Он, как и Велет, и Перший приметил, что Яробор Живко задавая вопросы, интересовался определенным моментом в ответе, порой одной фразой или словом, понятием, кое волновало Крушеца. Потому мальчик выслушивал пояснения лишь до того самого интересующего его понятия, а Морудавалось уловить тот самый волнующий лучицу момент и ответить именно на него. Отчего почасту их разговор носил вельми какой-то обрывочный характер. Иногда это выглядело так.

– А как ты творишь растительность Мор? – спрашивал Яробор Живко.

– Создаю информационные коды, – коротко отвечал Мор.

– А что такое информационные коды? – звучал новый вопрос юноши.

– Цепь определенных данных включающих в себя внутреннее содержание и внешний облик единичного объекта, – словно на одном дыхании выдыхал Господь, при том воочью не жалея туманных слов и понятий.

– А, что такое объект? – порой сим коротким вопросам мальчика не имелось конца.

Впрочем, Мор умел справиться и с этим, напоследок завершая свои пояснения одним словом:

– Растение.

– Зачем нужно, чтобы Темряй прилетал Отец? – недовольно поинтересовался Мор.

После того как Першему стало известно из мыслей Яробор Живко о произошедшем на Палубе, Мор стал более осмотнительней в своих толкованиях с Велетом. Старший Димург хоть ничего и не высказал сыну, иначе, зримо опечалился и не столько тому, что погибла планета, сколько тому, что гнев сына был направлен против младших братьев.

– Хочу с ним поговорить, мой дорогой, – отозвался, сказывая медлительно, Перший и переведя взгляд с мальчика на сына, нежно ему улыбнулся.

Яробор Живко, наконец, отпустил руку Велета и направил свою поступь вдоль залы, обходя стоящие в полукруге три кресла и восседающих в них Богов. Мальчик всегда с особым интересом изучал кресла с обратной стороны, где особенно ядренисто шевелились кучные бока облаков.

– О чем? – настойчиво допытывался Мор, и очи его многожды увеличились так, что явственно проступила темно-бурая радужка имеющая форму ромба, растянутого повдоль желтоватой склеры.

Зиждитель, несомненно, переживал за свою неудержимую досаду, каковая зябью прошла по младшим братьям и планете Палуба. Досаду... гнев... негодование весьма часто им испытываемые и за которые его и вобрал в свою печищу Перший, ибо лишь он мог остудить и справиться с таким особо гневливым сыном.

– Не стоит тебе о том думать, мой любезный, – мягко протянул старший Димург, ощущая вину сына и стараясь успокоительной речью сие томление с него снять. – В следующий раз будешь немного осмотрительней... а днес не стоит о том думать и переживать. А с Темряем я хочу поговорить о Стыне, это уже давно нужно было сделать... Однако я все время этот разговор откладывал.

– Стынь еще совсем юный... дитя. Ему позволительно шалопайство, – вступил в беседу Велет, который по своей сущности всегда старался выгородить младшего, не важно был ли то Опечь, Темряй али Стынь... Стынь который у всех Богов вызывал повышенный страх, любовь и нежность.

– Да, мой милый, согласен с тобой, – весьма благодушно молвил Перший, проведя перстами по грани нижней губы, тем самым переместив сияние с нее на кончики пальцев. – Стынь еще дитя, потому надобно в действиях стать осмотрительным Темряю. Я о том ему и хочу сказать... И думаю ему будет полезно встретиться с нашим дорогим малецыком и ощутить свою значимость как Господа в печище... Свою значимость и ответственность.

– Я уверен, малецык Крушец никогда не позволит себе того, что творят Темряй и Стынь, – не очень уверенно проронил Мор... так словно не утверждал, а вспать вопрошал.

Он медлительно подался вперед и по теплому зыркнул на прохаживающегося позадь его кресла Яробора Живко, задумчиво посматривающего на гладь черного пола.

– У Крушеца будет много иных забот, – откликнулся старший Димург и голос его наполненный горечью прозвучал весьма низко, точно желал схорониться от мальчика.

Одначе, верно не схоронился, потому как юноша, остановившись в шаге от возвышающегося, вроде объемной облачной кучи, кресла Мора, резким движением воткнул в плотно собранную поверхность свои перста, и когда они утопи в той глубине, спросил:

– А кто такой, Крушец?

Также стремительно мальчик сжал руку в кулак, и рывком вырвав ее из поверхности кресла, поднес к лицу. Курящийся голубоватый дымок точно оплел и сами пальцы, и тыльную сторону длани. Он едва зримо просочился сквозь тонкие щели сомкнутых перст и неспешно воспорив кверху коснулся губ Яробора Живко. Также неожиданно и резко густые испарения заскочили в ноздри, да купно их связали. Так, что крылья носа плотно прижались к носовой перегородке, приостановив доступ воздуха в легкие. Мальчик торопливо дернул головой, и надрывно чихнул, тем самым исторгнув из себя враз спирально закрутившиеся испарения (онные тотчас направили свою полет к спинке кресла), лишь посем глубоко задышав.

– Так вредно делать, – незамедлительно проронил Перший. Видно не столько узрев происходящее с юношей, ибо его кресло стояло диаметрально креслу сына, сколько данное состояние ощутив. – Пары могут сдавить дыхательные пути изнутри и произойдет удушье. Не делай так больше, Ярушка, – сказал Господь достаточно обеспокоенно, не скрывая своей заботы и нежности к мальчику. – Крушец, – добавил он погодя, будто стараясь тембром голоса особо выделить и само имя и того, кто его носит. – Это Бог.

– Бог, – разочарованно повторил Яробор Живко, и, разжав ладонь, встряхнул ею, сгоняя с руки остатки курящегося дымка вниз на пол.

Однако, голубоватые испарения, медлительно свершая коловращения, направили свое движение к ослону кресла. Они полюбовно коснулись скупенной поверхности кресла, и, завер-

тевшись более узким наверху начали бурить дыру, очевидно стараясь втянуться в глубины ее ослона.

Тугой горечью отозвалось внутри Яроборки, точно то, что ему было дорого и близко внезапно грубо отобрали. И, кажется, более того повелели о том не вспоминать, поелику само величание Крушец (весьма редко употребляемое при нем Богами) казалось таким трепетно ему близким... вроде второго я... вторым его именем Живко... аль Яробор... точнее первым его именем... его сутью... душой. Мальчик не раз оставаясь, что последнее время было редко, один-на-один, обращал это имя к себе и прислушивался. Порой ему даже чудилось, на это величание кто-то отзывался... так глубоко и проникновенно, что сызнова звучал чудесный наигрыш свирели. Яробор Живко обидчиво дернулся с места и глухо вздыхая, двинул свою поступь теперь к креслу Велета, словно собираясь и его проверить на прочность. А позади него голубые испарения степенно втянулись в ослон кресла Мора, соприкоснувшись с себе подобными и завертели в той особой сизо-серой скученности облаков, очевидно жаждущих пролить остатки своего недовольства холодными каплями дождя.

– Лучше бы ты Отец, вызвал Опеча, – прерывая некоторое время царившую тишину в зале, молвил Мор.

Он, как и Велет, и Перший был рад, что Яробор Живко не продолжил цепь своих поспрашиваний тем паче касаясь Крушеца.

– Опеча не надо и вовсе беспокоить, мой дорогой малецык, – медлительно ответил старший Господь.

Перший хоть и перебрасывался молвья с сыном сам, впрочем, неотрывно наблюдал за идущим мальчиком. Так словно кресла и сидящие в них сыны не были ему препятствием. Он, конечно, слышал горечь мыслей Яробора Живко, по поводу его ответа... знал, что мальчик все сильнее и чаще вступает в контакт с Крушецом. И этому обстоятельству Перший был рад и единожды им огорчен. Рад, потому как данный контакт свидетельствовал о силе Крушеца и способности его легко управлять плотью. А огорчен, потому как это показывало, что Крушец не исполнил указанного ему и не перестал теребить мальчика.

– Малецык Опечь должен полностью себя обрести, и пройти выписанное ему Кали-Даругой лечение, – дополнил свою вкрадчивую речь Перший и так как мальчик вышел из тени кресла и остановился, перевел взгляд с него на сына. – Он должен полностью восстановиться. Поэтому ему и разрешено созидать, что его ноне успокоит, придаст уверенности и важности.

Старший Димург резко смолк, точно почувствовав как энергично дернулись черты лица Яробора Живко. Он остановился не просто так... Остановился, почувствовав приход видений. Ноне мальчик стал понимать их приход, точно кто-то ему в том подсказывал. Ощутимое тепло прокатилось внутри головы юноши, а после заполнило собой рот и нос. И Яроборка принялся, как учила Кали-Даруга часто-часто дышать... наращивая тем дыхания али вспять словно задыхаясь. Он мгновенно сомкнул очи и в наступившей тьме зажег, движением мысли яркую голубую звезду, в центре будто коловращающуюся. Долгие четыре луча отходили от центра звезды и едва подсвечивались четырьмя менее значимыми и более блеклыми широкими полосами.

Еще самая толика времени и тело Ярушки качнулось. Он враз перестал нагнетать дыхание, затаил его, а затем медленно вместе с горящей звездой, выдохнул ее изо рта, мысленно направляя сие вращение вслед тому порыву ветра. Желтоватое коло, купно описавшее голову замершего мальчика, вроде втянулось в макушку и чуть зримым дымком выпорхнуло из приоткрытого рта. Протяжный крик лучицы, перемешанный с тем дымком, оказался достаточно низким и как просил Перший мягким. Он единым мановением взвился в свод залы и шибутно расплескав серые полотнища облаков, пробив в них черную водокруть, в доли мига исчез в тех испарениях.

Яробор Живко открыл очи и тягостно качнулся. Однако в этот раз устоял на ногах, но проделанная манипуляция отобрала у него много сил так, что мальчик погодя опустился

на пол. И если по первому он на него сел, то за тем все же лег, туго задышав. И немедля с кресел поднялись Велет и Перший. Атеф оказавшись как раз обок мальчика взволнованно зыркнул на него сверху вниз, как таковой дубокожий, он ощущал видения всего-навсе немощными толчками. Потому днес не сразу понял, что произошло, и страшился как-либо огорчить юношу. Поэтому недвижно лежащего Яробора Живко на руки и поднял Перший. Каковой сразу сообразил, что мальчику вкупе с лучицей удалось правильно принять видения. И коли Крушец воспринял его как таковой образ, юноша смог закрыть видение представленной картинкой, тем самым защищая мозг и плоть от волнения.

– Мой умница, – нежно протянул старший Димург, прижимая мальчика к груди. – Какой умница... У тебя получилось, так скоро, это даже удивительно... Удивительно какой ты способный.

– Мне плохо, – чуть слышно прошептал Яроборка, побелевшими губами и в целом его лицо лишилось красок, и сами собой сомкнулись очи. – Почему так плохо?

– Просто потратил много сил... Сейчас Кали-Даруга принесет вытяжки и тебе сразу станет легче, – заботливо произнес Велет, поглаживая лежащего на руках Першего мальчика по голове, выравнивая его довольно-таки удлинившиеся кудри волос.

Рани демониц и впрямь не замедлила явиться в залу с кубком в руках. Она бережно напоила вытяжкой юношу положенного на низкий топчан, созданный Мором, который оценил способности первого и Крушеца на себе, почитай не ощутив усталости и боли. Только размазанное движение образов, такая кроха в сравнении с тем, что было испытано допрежь.

Яробор Живко немного погодя отошел от пережитого, но сил, похоже, не приобрел, ибо как пояснила Кали-Даруга, ему необходимо было хорошо выспаться.

– И, что я буду так каждый раз терять силы? – спросил мальчик, все еще не подымаясь с облачного топчана и ощущая лишь заботливое поглаживание рук демоницы по всему телу... груди, спине, конечностям снимающих напряжение.

– Нет, дорогой мой господин, – голос рани, звенел от торжества, понеже она была довольна и горда своим вскормленником. – Еще несколько раз вы испытаете такую усталость и слабость, а засим все станет проходить много мягче, но в любом случае вам будет нужен отдых после видений. Вы такой уникальный мальчик, господин. Такое совершенство, чудо, таких господ мне еще не приходилось воспитывать. Мой дорогой, драгоценный господин.

– А кто же? кто будет мне помогать, – дернувшимся голосом молвил Яробор Живко и единожды сотрясся всей плотью. – Мне помогать, когда я вернусь на Землю? Когда тебя Кали не будет рядом?

Глава шестая

После того удачного заслона выставленного Яробором Живко и Крушецом, цепь видений не стала учащаться, однако она продолжила положенное ей течение. Но теперь юноша умел с ней справляться, и ему все чаще и чаще удавалось заменить само видение голубой звездой, а лучище крик мягким дуновением протяжного звука, каковой Зиждители воспринимали, но оный не вызывал в них боль и утомление. Слабость мальчика вскоре также снизилась. Он, конечно, все еще испытывал утомление, но то с которым мог справляться без глубокого сна и долгого отдыха.

Кали-Даруга, как и обещала, сделала Яробору Живко прокол в левой бровке, прямо в его кончике, почти на переносице, вставив туда серебряное колечко с крупным густо-фиолетовым сапфиром, который она почасту также величала яхонт лазоревый. Само колечко было мельчайше переплетено ниточками с ажурными листочками весьма, крошечного размера.

Демоница обильно натерла бровь мальчика бело-голубой вязкой мазью, спустя пару минут впитавшейся в кожу и воочью живописавшей проступившие под ее поверхностью кровеносные сосуды и нервы, каковые нельзя было задеть во время прокола. Рани легонько оттянула участок намазанной кожи (онемевшей в том месте) и, уперев в нее концы колечка резко его сжала. Тем самым она враз проткнула кожу и вдела в нее кольцо. Юшка почти не шла... ну, может пару капель, которые Кали-Даруга утерла и тотчас нанесла на само колечко и кожу густо-бурой мази.

Демоница наносила ту бурую мазь еще пару раз на прокол, в основном после купания и перед сном. Боли никакой не было и Яробор Живко пожалел, что не настоял на своем и не проколол, как того желал, ушную раковину. Однако теперь просить Кали о том не стал, ибо понимал, что коли та сказала не надо, несомненно, сумеет его переубедить.

Днесь когда видения удавалось подавлять, мальчик стал и вовсе ощущать не отвратность своего возвращения на Землю. Ему об том не говорили, ни Боги, ни демоница... это давление он оказывал сам на себя, и почасту внутри возникала тоска по красотам Земли, и во сне виделась плачущая Айсулу. Яробору Живко было сложно признаться, что на Землю его тянет. Ему хотелось пройтись по каменистой ее поверхности, всколыхать рукой кланяющиеся стебли луговых трав, втянуть носом горный аромат перемешавший сладость разнотравья и хвойной смолы, аль увидеть подымающееся на небосвод яркое желтое светило.

Яробор Живко был человек! Он не был Богом.

Посему должен был жить на Земле, потому туда его все сильнее тянуло и звало. С приходившей тоской по людям, с испытываемым напряжением, как-то мгновенно стали учащаться и видения, и вместе с тем мальчик ощущал себя разбито-уставшим. Кали-Даруга несмотря на протесты поила его вытяжками, но зная истинную причину той усталости, мягко, и одновременно настойчиво то редкими, то вспать частыми толкованиями об Айсулу подталкивала юношу к возвращению на Землю. Определенно, в таком рельефном состоянии прошло достаточное время. И, впервые мальчик спросил о планете у Велета, порой бывающего там. Это был ключевой такой разговор мальчика с Богом о Земле... ключевой, первый и весьма важный. И вначале коснулся он времени года планеты.

– Не ведаю, мой милый, какое там время года, – умягчено отозвался на спрос Велет и, кажется, сам напряженно замер, боясь спугнуть само толкование.

Ноне они сидели в зале вдвоем, потому-то Яробор Живко и завел эту беседу. Перший и Мор поколь не пришли в залу. Велет после занятий, которые все еще Кали-Даруга проводила с мальчиком (закрепляя и повторяя действия в случае прихода видений), забрав его из комли, перенес в залу. И теперь они поместились вдвоем в облачном голубо-фиолетовом кресле Бога. Велет нежно голубил волосы юноши, почасту целовал его в макушку и трепетно прижимал

к своим мощным, вспученным мышцам, перетягивающим все туловище и конечности, которые зримо выпирали даже через материю черного долгополого сакхи. Большие губы Бога, когда он касался лица мальчика, казалось, зараз покрывали больше его половины, и в них плыло столько любви, нежности, что ее ощущал не только человек, но и Крушец, изредка подсвечивая голову последнего смаглым, не ярким сиянием.

– Ну, ты же там был давеча, – негромко, словно страшась, что его услышит Перший, произнес Яробор Живко.

Он не хотел, чтобы старший Димург знал об испытываемой им тоске и разговоре, не понимая, что и сама беседа и приход Велета, это все продуманная стратегия Кали-Даруги по возвращению его на Землю.

– Был, мой любезный. И там было тепло... возможно, – ответил Велет, он нарочно говорил обрывочно и туманно, абы вызвать в мальчике желание интересоваться планетой. – Трудно сказать, что там на Земле. Я ведь там бывал дотоль, до этого прилета в Млечный Путь, всего ничего. В самом начале творения самой Системы, не столько планет, сколько самой Системы. А на самой планете всего один раз, много времени назад, когда туда прибыли первые люди. Малецьк Круч, наша любовь, селил на этой планете народы, посему мы туды и прибыли... Да и то побыли самую малость и отбыли.

Мальчик тягостно вздохнул так и не получив желаемого ответа от Велета, отчего та тягмотина точно надавив на голову пригнула ее книзу.

– Я какой-то... какой-то, – досадливо молвил юноша и туго выдохнул. – Совсем... совсем какой-то с изъяном... ненормальный словом.

– Ох! – немедленно всполошился Бог, ибо слышал такое поругание от мальчика впервые и явно того не ожидал. – Что ты мой драгоценный на себя говоришь? Что ты? Разве можно о себе такое говорить, – и торопливо обхватив широкой дланью голову Яроборки приткнул к своему боку, уложив ее щекой, точно на выпучившуюся мышцу.

– А как еще это назвать? – Яробор Живко гневался на себя и теперь уже за смурь по планете. – Как назвать? Сначала, тоскую по Отцу, по Першему, по Богу, потом по людям. Я ни то, ни се... Ни человек, ни божество, так нечто неопределенное. Оттого верно себя и мучаю постоянной смурью, тоской. Устал уже сам от себя. Потому и думается мне, что какой-то с изъяном... какой-то урод.

– Не говори так, прошу тебя, – настойчиво сказал Велет, и в тоне его прозвучало огорчение. Он сызнова наклонился к мальчику, приткнул свои большие губы к его лицу и мягко протянул, – не могу такое слышать. Ты слишком мне дорог. Когда ты так говоришь на себя, точно принижаешь самого Першего, нашего Отца, чей сутью являешься. Сие невозможно слышать. Неможно, поелику для меня Перший, значит очень много. Он мне ближе Асила... Наш общий Отец. Точнее даже больше Отца, единое целое с Родителем, почти не отличим от Него... Лишь много мягче, нежнее Родителя. Ты, просто, Ярушка, как не было того тебе неприятно слышать, ноне должен жить на Земле, так как родился и вырос там. Потому тебя туды и тянет. Единожды с тем ты мощно связан с нами... оттого и тоска. Это все естественно, разве Отец не говорил тебе об том? – Он нежно прикоснулся к коже лба и легонько вздохнув, обдал мальчика своим духом... ароматом только, что снятого черенком лопаты пласта осенней, уже мерзлой почвы.

– Я боюсь говорить о том с Першим, с Отцом, – Яробор Живко и вовсе зашептал, теперь уже страшась и старшего Димурга, и Родителя с коими было едино его естество. – Боюсь, что он выполнит мое желание и отправит на Землю. А там я умру без него, ибо не представляю, как смогу жить и не видеть вас. Знал бы ты, как я днесь хочу увидеть Вежды, Небо и Седми... так хочу.

– Мой милый мальчик, моя радость, – голос Атефа также трепетно понизился, перестав своей певучей объемностью колыхать облака, наполняющие всю залу. – Но теперь все изме-

нилось в твоей жизни, разве ты этого не понял? И если ты вернешься на Землю и там вдруг затоскуешь, как только пожелаешь я или Мор, мы принесем тебя на маковку в доли мига.

– Но Кали... Кали которая меня слышит и чувствует на Земле не будет. Как же я с вами свяжусь? – юноша сие прошептал и напряженно застыло его взволнованное тельце, стараясь стать ближе к Атефу.

– Через Благу, – немедленно пояснил Велет и только теперь точно убедил Яроборку в истине, отклонив от него голову, испрямил свою могучую спину. Единожды с тем движением перекатились мышцы Бога и точно качнули на себе голову мальчика.

Королева марух Стрел-Сорока-Ящерица-Морокунья-Благовидная вошла в комлю к мальчику, как раз перед самым его сном, и замерла напротив лежа, низко склонив стан. Это была обещанная демоницей встреча, к которой Яробора Живко постепенно подготавливали. Блага обряженная в бирюзовое долгополое одеяние имеющее множество мельчайших, узких складок, подчеркивающих покатость стройных форм тела без как таковых зримых швов, стыков, пуговиц, застежек и рукавов с зализанными назад серебристыми, короткими волосами смотрелась явственно встревоженной. Оттого порой с под ее волос на макушке вверх самую малость вскидывались и немедленно наново опускались лоптасто-удлиненные ушки.

– О...о, – разочарованно протянул сидящий на ложе мальчик, обращаясь к стоящей подле него рани. – Ты, Кали сказала, придет королева марух Блага, творение Господа Мора, а пришла Берегиня, с которой я уже встречался.

Королева резко опустила пред юношей на одно колено, и еще ниже склонив голову, горестно пояснила:

– Я не Берегиня, господин. Всего-навсего творение Господа Мора, кое по распоряжению Господа Вежды должно было скрыть от вас при встрече их бытие.

Ярушка не ожидающий проявленной марухой коленопреклонности на чуток даже опешил, а погода резво передернув плечами, торопко молвил:

– Встань, Блага, встань. Кали скажи, чтобы Блага поднялась.

– Блага поднимись с колена. Ты слышала распоряжения господина, не нужно его тревожить, – тотчас проронила демоница и улыбнулась.

Она трепетно провела перстами обеих правых рук по плечу мальчика и тем самым сняла с него всякое волнение. А королева также стремительно, как досель опустила, поднялась с колена, впрочем, все еще не вздела голову, словно стыдясь воззреть в лицо юноши, и удрученным голосом дополнила:

– Мне весьма жаль, господин, что пришлось вам лгать. Это для нас марух в отношении лучиц караемо.

– Нет... Нет, ничего, – успокаивающе отозвался Яроборка и широко улыбнулся, стараясь всем своим благодушным видом снять вину пред ним с королевы. – Я понимаю, что тебе так указали Боги.

– Господь Вежды, господин, – поправила юношу Блага и, наконец, испрямив спину, с теплотой воззрелась на него. – Я не подчиняюсь Зиждителям из печищи Расов и Богам из печище Атефов, только Димургам... также как и демоны, – и, теперь трепетно прошлась взглядом блистающих очей, не имеющих зрачка, где прозрачной голубизной поражали овальной формы радужки, описанные бело-прозрачной склерой, по фигуре рани Черных Каликамов так, точно смотрела на обожаемую мать.

– Блага, наш дорогой господин, желает, чтобы ты рассказала ему о девочке. И подтвердила мои слова, что всякий миг, каковой господин допрежь находился на Земле, приглядывала за ним, – молвила Кали-Даруга.

Она на удивление весьма мягко относилась к королеве так, точно была с ней в приятельских отношениях. Что было весьма странно, поелику демоница значилась строгой ко многим

иным творениям Богов, а к неким относилась и вовсе беспощадна... Почасту она их просто терпела, ради своих мальчиков... Одначе Блага, из множеств созданных Зиждителями существ, слыла любимицей Кали-Даруги и находилась на особом у нее счету. Рани во всем и всегда выделяла племя марух, и нередко пользовалась их услугами при возвращении лучиц.

– Ох, Кали, – огорченно перебил мальчик демоницу, и, подавшись к ней всем корпусом, поцеловал в оголенное плечо. – Я не сомневался в твоих словах... нет... просто.

Яробор Живко также резко стих и теперь уже распахнув руки, обнял рани Черных Кали-камов, прижавшись к ее груди головой, словно ощущая, что своим недоверием мог обидеть столь дорогое ему существо.

– Да, через Блугу, – многожды повышая голос, протянул Яроборка и тягостно вздохнул, плотнее прижимаясь к боку Велета. Ноне, когда тот принял самый малый свой рост и с тем вроде стал ближе к мальчику. – Я видел и толковал с Благой. Ты только не сказывай Першему, Отцу, что я хочу увидеть Землю. Знаешь, я боюсь, что как только попаду туда, Родитель незамедлительно отправит Отца. – Мальчик также почасту после обряда стал называть Першего Отцом, однако пока только когда торопился и нервничал. – Отправит Отца... туда... куда-то далеко.

– С чего ты решил, что Родитель так сделает? – спросил Атеф и погладил юношу по спине, ощущая его нервное напряжение плоти, або этот свой... именно свой... не Крушца страх он озвучивал вслух впервые.

– Я слышу же... слышу, – весьма огорченно дыхнул Яробор Живко и также резко дернул головой в бок, стараясь за выпученной вроде горы груди Бога рассмотреть его лицо. – Ты думаешь, я не понимаю, о чем вы толкуете? Да? – вже звучала неприкрытая обида, будто сомневались в его способности соображать. – Ты и Мор вы почасту говорите об отлете Отца. Почасту спрашиваете его о том и сами не желаете той разлуки. А я и вовсе ее боюсь... Боюсь, что как только окажусь на Земле, Родитель отправит Отца куда-то далеко и мы более не увидимся.

Мальчик тотчас смолк и судорожно всхлипнув, содрогнулся всем телом. И та покатая волна дыхания исторгнутая, кажется, из самих глубин естества юноши прокатилась легкой зябью по трепещущей черной материи сакхи Бога, по его смугло-желтоватой коже подсвеченной изнутри золотым сиянием.

– Я скажу о твоём страхе Родителю, когда буду с ним толковать, – благодушно отозвался Велет, узрев, как ярко пынуло светом коло позадь головы мальчика, которое и вызвало ту самую зябь его одеяния и кожи. – Я уверен, Родитель не станет тебя огорчать или тревожить поколь отбытием Отца, так как вельми обеспокоен твоим смятением.

Голос Атефа наполненный такой теплотой, будто сплотившись с его дланью, нежно приголубил волосы Ярушки, которые теперь под уходом Кали-Даруги отрасли у него до плеч и вьющейся копной укрывали голову.

Глава седьмая

Нежданно зыбким волнением пошли, похоже, все четыре зеркальные стены четырехугольной залы и в помещение вступили зараз два Зиждителя. По первому Яробору Живко показалось даже, что вместе с Мором в залу вошел Вежды, ибо этот Бог был такой же крепкий и статный, словно отличающийся особым уходом и заботой. Однако, мгновение спустя мальчик, взглядевшись в лицо Господа, понял, что это хоть и Димург, но не Вежды, а иной ее член. У этого Бога кожа была густо коричневого цвета с присущим всем Зиждителям золотым сиянием, а лицо имело грушевидную форму, где значимо широкой в сравнении со лбом смотрелась линия подбородка и челюсти. Особой длинной и мясистостью отличался нос да выдающиеся вперед надбровные дуги Господа. Толстые губы, поигрывающие золотыми каплями света и чуть выступающие вперед миндалевидные темно-карие глаза (онье порой теряли темный тон и становились почти желтыми) с располагающимися поперек слегка удлинённо-вытянутыми зрачками, придавали лицу Димурга сосредоточенное выражение.

Этот Бог вообще больше напоминал Расов, в частности Небо, своими долгими курчавыми черными волосами до плеч, бородой и усами. Сияние кожи слегка золотило и черные волоски его усов, короткой бороды, кончики каковой были схвачены в небольшие хвосты и скреплены меж собой черными крупными алмазами. Широкая цепь, полностью скрывающая лоб Господа с плотно переплетенными меж собой крупными кольцами ядренисто полыхнула лучистым серебристо-марным отливом, лишь на морг показав на своем гладком полотне зримые тела, морды зверей, рептилий, земноводных и даже насекомых, тем точно поприветствовав мальчика. Обозрев могучую фигуру Господа Яроборка в мале догадался, что пред ним Темряй, прибытия которого ожидали, все Небожители.

– Здравствуй, Ярушка, – густым басом молвил Темряй, желая расположить к себе юношу и как итог прикоснуться к нему и пообщаться с лучицей.

Бог был обряжен в белую рубаху и укороченные белые шаровары. Помимо этого на плечах его покоился тончайший голубой плащ, огибающий рамены с двух сторон и стянутый на груди большой пряжкой в виде массивного черепа медведя. Морда зверя была словно творена из кости, хотя переливалась серебристым светом, а из приоткрытой пасти выглядывали мощные клыки. Казалось, даже в глазницах медведя вращались по колу вихрастым всплеском серебристые пары. Темряй, однако, более не имел прикрас, ни браслетов на руках, ни перстней на перстах, ни цепей на шее, ни серег и проколов в ушах, бровях. Токмо в левой ушной раковине Господа находился крупный платиновый квадрат, уголки коего украшали камушки коричневого янтаря.

– Велел тебе все снять, – недовольно пропыхтел Мор, не снижая своей поступи и направился к пустому креслу, стоящему подле кресла Велета. – Так нет же, ты все время перечишь. – Наверно, Мор начал вычитывать брата еще в галерее маковки и прервался на миг, абы войти в залу. Он словно и не приметил, что Темряй поздоровался с мальчиком, продолжив свои поучения, – ты все время мне противоречишь... Почасту споришь, своевольничаешь, не подчиняясь распоряжениям старших. Разве так допустимо поступать Господу, каковой вскоре станет величаться средним в печище?

Темряй медленно перевел взгляд с лица юноши на брата и зыркнул прямо тому в затылок, словно стараясь таким толчком сомкнуть его рот и вельми по-ребячески отозвался:

– Вскоре, мой дорогой брат. Стану вскоре, а днесь поколь младший Господь... Так, что уймись Мор, хватит гневаться, достаточного того, что случилось с Палубой и малецыком Стынем.

Видимо, этого Темряю не следовало говорить, потому как Мор нежданно, так и не достигнув кресла, остановился и стремительно обернувшись, пульнул в младшего брата широкую

полосу черного марева, выскочившую в доли секунд из его очей. Полоса достаточно ретиво и мощно вдарила Темряя в грудь сменив цвет его рубахи с белой на крапчато-бурый, при том значимо качнув назад... вперед фигуру Господа.

– Ай! – испуганно вскрикнул Яробор Живко и порывчато дернувшись, ударился о покато-вспученный мышцами бок Велета головой.

– Думаешь, что говоришь, малецык, – гулко прозвучал высокий, звонкий тенор Мора, наполненный таким негодованием, что уже сам звук сотряс тело брата, а с его рубахи вниз осыпались бликами света на пол все бурые пятна.

– Прекратите оба. Вы напугали нашего Ярушку, – теперь весьма досадливо молвил Велет.

И речь Атефа прозвучала столь повелительно, что сразу стало ясным, кто в этой зале есть сейчас старший Бог. Велет нежно приобнял левой рукой, туго задышавшего мальчика за плечи и немедленно склонив голову, прикоснулся губами к его макушке.

– А, ты, милый малецык, – отметил Атеф, обращаясь к Темряю. – И впрямь думай, что сказываешь. Ибо не допустимо младшему ерничать в отношении старшего.

– Не хотел задеть, – дюже миролюбиво протянул Темряй, и, перестав раскачиваться, сойдя с места, медленно направился к креслу Велета, на ходу бросив уже воссевшему Морю. – Не хотел задеть, брат.

– Ничего, мой любезный, со всеми бывает, – на удивление достаточно мягко после выплеснутой досады отозвался Мор, и голос его, понизившись до песенной погудки, постарался успокоить младшего брата.

Темряй меж тем подошел к креслу Велета, и, склонившись к нему, поцеловал в край ушной раковины, предоставив возможность Атефу облобызать свои очи, виски и даже кончик носа. Затем Димург неторопко опустил на корточки пред сидящим в кресле мальчиком и широко улыбнулся, отчего всколыхнувшееся золотое сияние густо окрасило в яркие тона волосы усов и бороды над губами.

– Чем Мор в тебя стрельнул? – чуть слышно спросил Яробор Живко, успокоенный любовью Велета и улыбкой Темряя.

– Досадой, – также тихо ответил тот.

Мальчик медленно протянул руку в направлении лица Бога и провел перстами по его подбородку, увитому негустой бородой, не менее трепетно сказав:

– Почему ты отличаешься от Першего, Мора и Вежды? И имеешь бороду и усы как Расы?

– Потому как я иной, – отвечив Темряй и незамедлительно вздев руку, указательным перстом провел по подбородку мальчика, где едва зримо проступал белый пушок, свидетельствующий, что последний не будет иметь бороду и скорее всего усов.

– Как и я, – удрученно проронил юноша, словно вновь ощутив смурь единожды по Першему и Земле.

– Ты не иной, – бас Темряя наполнился таким трепетом. Он зазвучал... запел своей густотой, обволакивая не только мальчика, но и его старших Богов братьев.

И вдобавок, точно дернул со свода залы полотнища облаков, мгновенно свернув их в спирали. Темряй внезапно стремительно вскинул вверх руку, и малозаметно дрыгнул перстами. И тотчас облачно-серая спираль закружилась в вышине свода, плюхая в разные стороны небольшими пятнами, кои принялись оборачиваться и вовсе в крошечных, голубых бабочек. Насекомые торопливо взметнули своими крылышками и запорхали почитай подле самых облаков в своде залы.

– Ты наш... наш мальчик, наш малецык, – полюбовно протянул Темряй, не сводя нежного взора с лица юноши и речью своей, лаская не только его, но и более близкую ему лучицу. – Самый дорогой и бесценный малецык! Наше чудо! – невыразимо мягко дополнил он, и резко щелкнув перстами, в мгновение ока перехватил полет одной из бабочек в воздухе.

Поймав ее на кончик указательного пальца, да неторопливо поднес к лицу юноши. Голубая бабочка, опираясь на короткие, тонкие ножки замерше вытянулась на персте Господа. У бабочки, было небольшое бирюзово-серое тельце с округлой головой и разместившимися на ней по кругу четырема красными крапинками глаз, долгие нитевидные усики. Голубые крылья с рисунком из блекло-желтых полос (соответственно четыре округло-треугольных передних и четыре овальных задних) едва зримо колыхались. Яробор Живко по первому внимательно вглядывающийся в спиралевидное облако, мало-помалу иссякнувшее... распавшееся на бабочек, закруживших по залу, перевел взгляд на Бога. Также медлительно он воззрился на бабочку, присевшую на персте Темряя и задумчиво поспрашал:

– А, что случилось со Стынем, Мор?

– Огорчился, – немедля откликнулся Димург, как всегда коротко пояснив о произошедшем. – Но я сумел его успокоить, не тревожся, мой дорогой Ярушка, – также как допрежь того его младший брат вкладывая в каждое слово нежность.

В залу бесшумно вступил Перший, мгновенно пробежавшийся взглядом по сынам и остановив его на мальчике. Яробор Живко, несомненно, ощутив тот взор на себе оторвался от колышущей крылами бабочки и уставившись на старшего Димурга молвил:

– Отнеси меня Отец на Землю. Хочу увидеть окиян, что это такое, – и глас его дрогнул, губы легохонько затрепетали, а в глубинах очей блеснули крупными каплями слезы.

– Хорошо, мой бесценный, – откликнулся Перший, приметив состояние юноши. – Когда того пожелаешь. Но не ноне... позже, – это он добавил нарочно, чтобы снять напряжение окутавшее мальчика, и кое могло перейти в видение... Видение, каковое даже будучи погашенным, сейчас могло отозваться в Темряя утомлением и болью.

Яробор Живко поднял с колена правую руку, и, описав ею коло обок бабочки, продолжающей колыхать крыльями на персте Господа, словно успокоившись полученной отсрочкой на расставание, много ровнее сказал:

– У бабочки на Земле нет такого количества крыльев, это не земное создание.

– Да? – удивленно протянул Темряй и черты его лица дрогнули.

Димург, несомненно, не ведал того обстоятельства и желая, как и иные Боги, вызвать в мальчике желание вернуться на Землю, просто-напросто дал маху.

– Ага... На Земле у них всего четыре крылышка, два передних и два задних, – пояснил мальчик и звонко засмеялся.

Он понял... теперь точно прозрев, понял, что Боги желают его возвращения на Землю не потому, что не любят его, стыдятся аль еще чего. Просто они знают, что сейчас его место, его жизнь должна проходить именно на Земле. Подле людей... всяких разных людей, таких как влекосилы, кызы, тыряки, лесики, нурманны...

– Ты мне показываешь не земную бабочку, – досказал мальчик и глубоко выдохнул не только смех, но и тягость, что дотоль владела им. – Это бабочка с какой-то иной планеты. Где такая живет, на Палубе?

– На Палубе теперь, верно, ничего не живет, кроме рытвин и буераков, – весьма гулко вставил Велет и мощно загыгытал, тем самым поддерживая радость юноши.

– По-видимому, Мор огорчил не только Стыня, но и Палубу, – тотчас подхватил Яробор Живко, узрев, как довольством вспыхнуло золотое сияние кожи Темряя.

Мальчик стремительно раскинул руки, и, подавшись вперед, крепко обхватил широкую шею Димурга, приткнув лицо к плечу, выплескивая туда радость от столь необходимой Крушецу близости Зиждителя. Широким светом улыбок немедля просияли лица Першего и Мора. И Боги, переглянувшись, обменялись зримым удовлетворением, ибо явно показалось желание мальчика, да еще и впервые озвученное, понятое и возможно принятое вернуться на Землю.

Глава восьмая

– Так, где живет эта бабочка? – спросил Яробор Живко, обращаясь к младшему Димургу.

Юноша уже давно покинул объятия Темряя, и сам того не приметив, оказался в кресле подле Першего. Боги, поместившись в объемных креслах в середины залы, только что начали толковать, когда их резко прервал вопрос мальчика, прозвучавший достаточно громко. Те самые бабочки, которых создал младший Димург, несколько минут назад рассыпавшись на блики света (как пояснил Перший, в связи, с несовершенством материи), присоединились к серым облакам в своде или голубоватой дымке, все еще курящейся по полу помещения.

– Где живет, – задумчиво отозвался сидящий напротив старшего Димурга и мальчика Темряй, то ли от усталости, то ли от дальнего пути, каковой проделал, примостивший ноги на лежак вытянувшийся из сидалища кресла.

– Живет на другой планете, в другой Галактике, – пришел на подмогу сыну Перший, оглядев сзади присевшего на краешек его кресла юношу. – Ты правильно приметил. На Земле Темряй не распределял расселение животного мира, как и обобщенно в Млечном Пути. Он не отдавал распоряжений прокудам, существам, которые занимаются отбором той или иной группы животного сообщества. Сие осуществлял я, по просьбе младшего из Расов, малецыка Дажбы, ибо Млечный Путь находится в его непосредственном управлении. Малецык Дажба, вельми, как и иные сыны, благоволяющий ко мне просил именно меня заняться тем отбором... Да и на тот момент Темряй был достаточно юн, и я не стал его перенапрягать.

– Ибо Отец считал, это мне было не по силам и могло надорвать, – смешливо дополнил Темряй и широко улыбнулся.

Той молвю он не столько старался задеть Першего, сколько, похоже, имел в своем характере такие черты, оные земные люди называли бы, манерность, ерничанье и капризность.

– Никогда не промолчишь, – досадливо дыхнул Мор, каковой обладал не менее скверной чертой характера вечно испытываемым недовольством на окружающих его Богов и существ... и не бурчал только на Стыня и Першего... и теперь похоже еще на Крушеца.

– Да, – несмотря на выпады сынов, ровно протянул старший Димург и провел перстами по поверхности своей верхней губы, с тем словно выплеснув зыбь сияния в подносую ямку. – На тот момент малецыку это было не по силам, и он мог надорваться, мой бесценный Темряй, правильно заметил... Малецык, ты привез с собой заказанное Кали-Даругой? – это Господь спросил у сына, желая, судя по всему, погасить поток поспрашаний в мальчике.

Обаче, Яробор Живко будучи по характеру любопытно-дотошным, того вопроса Господа не уловил, и сызнова спросил, обращаясь к Темряю:

– Так значит, эта бабочка живет не на Палубе? А где тогда?

– В Северном Венце скорей всего, – теперь весьма направленно ответил на вопрос Мор, каковой коли не мог избавиться от них недомолвками сказывал всегда правдиво.

Яроборка незамедлительно прыгнул с кресла, и, расправив спину, пошевелил плечами. Он сделал несколько шагов вперед, и, расставив широко перста на правой руке, зачесал назад почасту напозающие на глаза густые волосы, каковые уже не раз просил у демоницы укоротить. Впрочем, всякий раз почему-то прекращал настаивать, стоило лишь Кали-Даруге приглубить их.

– Привез Отец, – отвечив на вопрос Першего Темряй, надеясь начатым разговором прервать цепь поспрашаний мальчика.

Однако, Темряй просто не знал Яробора Живко, который когда желал, что-то вызнать становился не только настойчивым, но, кажется, и нахальным. Мальчик сделал еще парутройку шагов вперед, стараясь отойти подальше от кресла Першего, а после, резко остановив-

шись и развернувшись направо, уставился на Велета, которому совсем редко удавалось уйти от таких вопросов, посему Бог всегда обо всем рассказывал открыто.

– Велет, – обратился Ярушка к Атефу. – А, что такое Северный Венец и кто там живет?

Юноша прекрасно подмечал слабые стороны Богов и посему начиная о чем выспрашивать, ориентировал вопросы таким образом, чтобы непременно получить ответ. В последнее время, очень редко направляя их на Першего и Кали-Даругу, которые легко уходили от прямого ответа.

– Северный Венец Галактика Димургов, – не ожидая вопроса, тотчас отозвался Атеф. – Эта самая старая Галактика в нашей Вселенной, сотворена Родителем в честь рождения нашего Отца, старшего Его Сына, Господа Першего. Одна из самых густонаселенных Галактик, где проживают не только гипоцентавры, демоны, но и иные творения, такие как криксы-вараксы, бесицы-трясавицы, черти, нежить, куренты, прокуды... Многие из этих племен хоть и созданы Веждой и Мором предпочитают жить не в своих родных Галактиках: Голубоватая Въялица и Весея, а именно в Северном Венце. А управление и надзор за данной Галактикой осуществляют гипоцентавры, один из человекоподобных и старейших народов Всевышнего. В Северном Венце некоторое количество систем населены человечеством, впрочем, за ними также приглядывают гипоцентавры.

Перший незамедлительно вскинул с облокотницы левую руку, и, направив вытянутые перста на Велета, остановил его скорую и несущую в себе большую информационную подоплеку речь, очень мягко сказав:

– В Северном Венце в основном живут не люди, а создания, которые оказывают нам Димургам помощь.

– Это не люди, – не поворачиваясь к Першему раздумчиво протянул мальчик, все еще теребя свой долгий чуб на голове. – Есть создания, которых достаточно много. Они все разные по своему образу и способностям. Они также очень близки к Богам, потому вы не прекращаете с ними общения, або они осуществляют тот самый отбор, то самое управление, надзор и помощь. Они взращивают и разводят растения, животных, людей. Тогда... тогда я не пойму, – теперь Яробор Живко задавал вопрос Першему, как к старшему здесь, к тому, кто мог ответить, и с тем резко повернулся в его сторону. – Я не пойму, зачем созданы люди? Коли вы не имеете с ними близкой связи, коли они не помогают вам, а вспять все уничтожают... Каков смысл их существования, бытия?

– Ты очень... очень умный мальчик. Даже удивительно как переплелась в тебе любознательность, острота ума и стремительность выводов, основанных не столько на долгом процессе размышлений, сколько на мгновенности мысли, – весьма полюбовно протянул старший Димург и туго вздохнул.

Господь вроде как грустил, абы замечал, что каждая плоть, которую выбирал его драгоценный Крушец, была исключительно умной... И, конечно, Перший страшился, что его бесценный малец не отступит от своих предпочтений в последней человеческой жизни, когда надобно будет выбрать именно здоровую, крепкую плоть, не столько умную.

– А ты, Отец, – строгим голосом отозвался Яроборка, словно собираясь его вычитывать. – Обладаешь способностью в мгновение ока переводить тему разговора в другое направление так, что я того даже не замечаю.

Старший Димург едва слышно усмехнулся, а Темряй это озвучил более жизнеутверждающе. Потому как всегда ощущал (коли говорить людскими понятиями) себя удачливым. Поелику придя, в свое время, на Коло Жизни, был там встречен Першим, каковой в тот раз не пожелал его уступать Расам. Темряй всегда трепетно относился к Отцу и до сих пор вспоминал время проведенное подле него. Не важно было ли это в его человеческих гранях, ноне наполняющих божественную суть, али вже будучи Господом, членом печищи Димургов... на самом деле любимцем Вежды и Мора, дорогим, бесценным, милым для них малецыком.

– Порой я это делаю, потому как не могу объяснить тебе некие вещи и понятия, – произнес старший Димург и слегка подавшись верхним корпусом тела вперед, крепко обхватил руками локотники кресла, утопив в них перста, почитай до средних фаланг.

Он словно навис над головой мальчика своей могучей массой и взволнованно взгляделся в его лицо, черты коего резко дернулись, что могло означать приход видений. Однако, сие оказалось просто волнением Яробора Живко, и когда лицо его вновь стало видимо спокойным, Господь дополнил свою прервавшуюся молвь:

– И по поводу существования человека в частности... Тем не менее, могу сказать, что Галактика Северный Венец одна из самых знаменитых еще и потому как в ней чаще иного бывают Димурги, занимаясь воспитанием младших членов своей печи. Это уникальная Галактика, в которой собрано достаточно большое количество всевозможных видов систем, и сама она имеет весьма причудливую форму, чем-то напоминающую вашу руну Силы. Руна которая, считают лесики, имеет способность к изменению мироздания и себя в нем. Однако, как я могу заметить обладает зримым внутренним и внешним постоянством.

Теперь, видимо, Ярушка остался доволен ответом, а быть может, просто задумался, что, как отметил Перший делал не часто... большей частью действуя рывками. И тотчас, стоило ему затихнуть, а подле него образоваться округлому облачному пуфику, намотавшему голубые испарения, дотоль плывущие по полу, старший Димург сызнова заговорил с сыном:

– Где они сейчас, милый малец, – обратился он к Темряю, все еще оглядывая морщившего лоб мальчика степенно воссевшего на пуфик. – Темряй, – позвал Перший сына. – Ты меня слышишь, моя любезность?

Темряй днесь будто пробудившись, дернул в бок головой и на поверхности его венца пролегающего по лбу показались поместившиеся в ряды головы медведей, ошестинивших свои широкие пасти. И в том мгновенном проявлении проступили они не только разнообразной формы, но и тональности шерсти, смотрящейся от белой вплоть до густо-черной. Господь медленно отвел взор от мальчика, и, воззвись на старшего Димурга неторопно ответил:

– Поколь в каабе, Отец. Мор ничего мне про них не указывал, потому они на судне.

– Так ты же не сказал, что привез их, – сердито откликнулся Мор, и губы его покато выпучились вперед, живописав их внутреннюю розовато-коричневую часть. – Нельзя же в самом деле быть таким несерьезным малец.

– Тише... тише, – мягко молвил Перший, и легонько качнул головой.

Тем самым малым колыханием божественной головы старший Димург словно взбил в своде залы, сросшиеся в плотные комы облака, потерявшие всякую курчавость от долгой беседы Небожителей. Они, нежданно слышимо хлопнув, принялись сыпать из своих кучных боков малые бусенцы воды (похожие на мельчайший дождь), вниз на Богов и мальчика. Этим Перший пытался несколько охладить задумчивость Яробора Живко и негодование сына.

– Не делай из всего заботу Мор, – продолжил старший Димург свое полюбовное поучение. – Будь мягче. Не сказал, верно, забыл, аль не предал значения, ничего... Сам спроси как старший, будь ровнее. Темряй, как бы не ерничал, поколь достаточно юн. И повзрослеет, очевидно, когда появится Крушец.

Последнюю фразу Перший протянул таким тепло-трепетным голосом, что его бас-баритон заколыхался песенным мотивом в зале и незамедлительно вызвал умиротворение в обоих сынах. Отчего они, много нежнее переглянувшись меж собой, улыбнулись.

– Вызови их из кааба Темряй, будь добр, – немного погодя, когда сыны и вздохнули степенней, повелел Перший. – Пусть отправляются к Кали-Даруге. И коли живица кого отберет из них, познакоим отобранных с нашим драгоценным Ярушкой, так как они были вызваны нарочно для него.

Темряй не мешкая порывчато кивнул и возложив правую руку на пряжку-голову удерживающую плащ на груди, на малость и сам окаменел.

– Потом сними, – указал взором в сторону пряжки старший Димург, когда младший сын сызнова ожил. – Это может увеличить восприятие боли, что весьма для тебя опасно, мой милый... Понеже наш малец, покамест еще горячиться.

– С кем вы хотите меня познакомиться? – снова встреча в толкование Богов, спросил Яроборка.

Он вельми порывисто потряс головой смахивая с волос капль воды, что поколь проливали на него облака, и, развернув в сторону старшего Господа правое плечо, где материя рукава сакхи смотрелась дюже сырой, почитай до запястья, недовольно молвил:

– Перший, я уже весь мокрый.

– О, прости, мой бесценный, – откликнулся старший Димург, чуть-чуть погодя отзвываясь на недовольство мальчика.

А все потому, что был отвлечен, донесениями змеи. Каковая склонивши свою треугольную голову вниз, с наверх венца, шевелила раздвоенным, ноне голубоватым языком, подле самого уха Зиждителя, иноредь вгоняя кончик в глубины слухового канала. Перший резко дернул правой рукой, вернее лишь ее перстами, вроде лентясь поднять с облокотницы, тем движение, несомненно, собираясь остановить капль дождя. Одначе, плотно сбитые в своде залы облака гулко плюхнув бочинами, разком выплеснули из себя не меньше пары ведер воды прямо на сидящего под ними мальчика. Мощно окатив его с головы до ног и теперь уже сделав окончательно мокрым.

– Ай! – досадливо вскрикнул юноша, не ожидая, что с ним так грубо поступят, и зыбко передернул плечами, по каковым теперь уже прямо-таки катила потоками вода.

– Ох!.. прости... прости мой драгоценный, – участливо дыхнул Перший и недовольно качнул головой в сторону змеи, прогоняя ее от своего уха (однозначно, занятый шипением последней, Господь окатил мальчика водой не нарочно).

– Не в ту сторону шевельнул перстами, – словно вступаясь за Отца, пояснил Темрай.

Он спешно поднялся с кресла, и, ступив к мальчику, укрыл его снятым с себя плащом. Накрыв ему сверху и сами волосы, при том, на удивление, оставив застежку покоящейся на рубахе, очевидно прицепленной к материи.

– Прости мой бесценный, – сочувственно молвил старший Димург, и явственно дрогнули черты его лица, видно он был дюже расстроен тем, что так необдуманно шевельнул перстами. – Случайно вышло.

– Ничего Перший, – мягко отозвался Яробор Живко, ощущая как степенно стали высыхать под плащом (поверхность которого малозаметно засветилась лазурью) не только его волосы, но и материя сакхи.

Темрай опустившись на присядки обок мальчика, полой своего долгого плаща утер его покрытое мжицей лицо, и провел дланью враз по голове, спине придавая тем самым более насыщенное сияние самой ткани, и осязаемое тепло плоти.

– Темрай, – слышимо лишь для Господа протянул юноша и зыкнул в его очи, прямо в крупные желтые радужки, пересеченные удлинено-вытянутыми зрачками расположенными поперек, и одновременно входящими своими краями в белую склеру. – А ты можешь показать мне того змея?

Последние слова мальчик и вовсе прошептал так, что Димургу пришлось низко склонить голову к его устам, абы услышать, и слегка ее даже развернуть.

– Какую змею? – также тихо переспросил Темрай, весьма заинтересованный желанием Яробора Живко.

– Ну... ту самую, – юноша резко отстранился от головы Зиждителя и зыкнул на Першего, к которому в ухо сызнова принялась лезть змея с венца, судя по всему передавая, что-то дюже важное. – Ту, – дополнил он, приметив, что старший Димург их разговора не слышит, – которая съела на Палубе все камни.

– Змея? – повторил непонятливо Темряй и мальчик так и не сообразил, впрямь Господь его не понимает, или только делает таковой задумчивый вид. – Какая змея? Какие камни? – вновь спросил Зиждитель, и, развернув в сторону мальчика свое лицо, живописал на нем недопонимание.

– Ярушка желает увидеть твое создание, – ворчливо вставил в беседу Мор, который научился мгновенно распознавать поспрашивания юноши. – Каковое ты сотворил и поселил на Палубе. И которых я несколько гневливо уничтожил... Ярушка и меня просил их показать, но я не запомнил образ, посему не сумел ему, что-либо явить.

– Еще бы запомнить, – это Темряй и вовсе дыхнул в Яроборку. Губы его не шевелились, не колыхались волоски усов, однако, парень ту молвь расслышал. – При сей стремительности уничтожения, и вовсе невозможно было разобрать, кто попал под твой гнев. Обаче, – теперь Бог явственно заговорил, – я не смогу Ярушка, тебе показать своих созданий... Созданий которые назывались халы, ибо Отец мне этого не позволит.

Мальчик надрывисто дернулся вправо так, что в доли секунд с его головы точно стекла мягко лоснящаяся материя плаща, показав совершенно просохшие волосы. Он просяще воззрился на Першего, коего, наконец, оставила в покое змея, занявшая положенное место в наверхие венца, и торопливо спросил:

– Перший... Отец, – старший Димург немедля перевел дотоль блуждающий по залу взгляд на юношу. – Пусть Темряй мне покажет халу.

– Какую халу, мой драгоценный? – переспросил Перший, понеже на тот момент не слышал толкования сына и юноши.

– Ту, самую, какую хочу, – уклончиво ответил мальчик и тем самым вызвал бурный смех в Темряя и гоготание в Велете.

– Мне кажется не стоит... днесь я хотел, – начал было неспешную молвь старший Димург.

Впрочем немедля был прерван обидчивой речью мальчика, оный так-таки сотрясся от огорчения:

– Почему не стоит? Стоит! Хочу увидеть халу, что тут плохого? Что плохого, коли меня все интересует? Я бы и сам хотел не интересоваться, не познавать, но это сильнее меня. – Яробор Живко прервался и теперь туго качнулись желваки на его лице. – Ты, Перший, все время говоришь нет, или уходишь от ответа. Потому я уже и не стараюсь задавать тебе вопросы, чтобы не расстраиваться.

Юноша поколь удерживающий руками на груди полы плаща, резко их разомкнул, и, стряхнув с плеч вещь, торопливо уткнул лицо в ладони. Он не столько сердился на Першего, сколько порой выслушивая от него отказ, ощущал в сравнении с Господом свою человечность... и вроде как разобщенность, что был не в силах перенести. Старший Димург тотчас поднялся с кресла, приблизился к мальчику и зараз, словно даже не наклоняясь, поднял его на руки. Он, определенно, уловил ту пронзительную боль Яробора Живко, и не желал, чтобы Крушец принял ее на свой счет. Прижав мальчика к груди, Бог нежно провел рукой по его едва влажному сакхи, приголубил выющиеся, светло-русые волосы и ласково прикоснувшись к ним устами, полюбовно сказал:

– Мой дорогой Ярушка, я весьма расстроен, что так тебя огорчил... Не хотел, мой бесценный мальчик. Но я уже пояснял, что не всегда могу ответить на твой вопрос, как того требует ответ, а потому, абы не говорить не правду, стараюсь перевести тему толкования. Придет время, и я отвечу на все твои вопросы, мой милый малецык, – дополнил он мягко, тем успокаивая лучицу... в первую очередь ее. – Тогда ты будешь готов и сможешь понять, и сам ответ, и его суть. И ноне я не хотел тебя огорчить, просто Темряй по просьбе Кали-Даруги привез на маковку неких созданий, Творцом коих является... Оные будут помогать живице, ухаживать за тобой, и я хотел тебя с ними познакомить, но ежели ты желаешь узреть...

– Желая... желаю, – торопливо отозвался мальчик, и глубоко вздохнув, недвижно замер на руках Бога, наслаждаясь его близостью.

– Прошу тебя только не волнуйся, – убедительно-нежно протянул Перший, ощущая состояние благодати не только в плоти, но и в лучице. – Чтобы не пришли видения. Темряй, юный Господь, а мощь твоих видений такова, что даже погашенная может принести ему боль.

«Ненормальный какой-то», – гневно подумал про себя юноша и судорожно вздрогнул.

– Не говори так на себя, мой бесценный, – ласково молвил старший Димург и в тех словах воочью прозвучала просьба. Вне сомнений он уловил гневливые мысли на себя мальчика и тому обстоятельству расстроился. – Наша драгоценность, пусть Темряй покажет тебе халу, чтобы ты не волновался.

И снова в речи его прозвучала настойчивая просьба. Господь мягко дотронулся губами до виска юноши, а после, медлительно спустив его с рук, сызнова усадил на облачный пуфик, укрыв плащом сына плечи. Старший Димург увы! был не в состоянии скрывать своего огорчения, когда слышал аль улавливал поношения мальчика на себя, которые тот говорил вследствие дурной привычки выработанной в процессе жизни. Большею частью не понимаемый, не поддерживаемый своими сродниками, а посему, ощущающий себя среди них чуждым. В целом Яроборка и жил-то подле лесиков лишь потому как на тех влияли лебединые девы... Всякий раз, когда мальчик так себя принижал, Перший, и, в общем Боги, ощущали не просто унижение собственного естества, а что более становилось для них невыносимым поругание того, кто им был особенно дорог, их бесценного, неповторимого Крушеца... Сутью которого были Они все, не только Димурги, Расы, Атефы, но и сам великий прародитель Галактик Родитель.

– Покажешь Темряй? – все еще взволнованно спросил Яробор Живко, стараясь заглянуть в очи Бога и придержал за перста Першего, понимая, что собственной грубостью огорчил его и этим стараясь примириться с ним.

– Хорошо, – откликнулся Темряй и медленно поднялся с присядок, выпрямив свой мощный стан. Он поравнялся с Першим, и трепетно воззрившись на него, дополнил, – Будет лучше, коли ты возьмешь Ярушку к себе Отец на кресло. И поколь велишь не входить Кали в залу, а то вдруг она решит, что отображение угрожает мальчику.

– Ты чего собираешься его создавать во всех параметрах? – встревожено спросил Мор и резво пошевелил руками, пристроенными на локотниках кресла, будто проверяя бушующую в них силу.

– Сие только отображение, мой дорогой, – протянул успокоительно Темряй.

Он поднял укутанного в плащ юношу с пуфика и передал его на руки Першего. И поколь последний нежно голубя волосы мальчика направился с ним к своему креслу, легохонько подтолкнул ногой обутой в низкие голубые сапоги пуфик, разрушая его тугую сученность.

Глава девятая

Перший достигнув кресла, медлительно на него воссел и пристроил Яробора Живко к себе на колени. Единожды с тем он положил на грудь мальчика левую длань и перста, точно придержав от движения и волнения. Яробор Живко сообразил и по легкой дрожи в перстах Першего, и по недовольству лица Мора, и по гулкому дыханию Велета, что старший Господь не рад тому, что уступил ему. Впрочем, все это время, как Яроборка узнал о творении Темряя, его особым желанием стало узреть ту самую удивительную халу, которая съела на Палубе не только растительность, животных, но даже почву, потому абы умиротворить Першего, он склонился к его перстам и нежно их облобызал.

– Дорогой мой, – ласково продышал старший Димург, на самом деле озабоченный не тем, что днес уступил мальчику, сколько тем, что у того вошло в привычку унижать себя... себя, а следовательно и дорогого для него Крущеца.

Темряй промеж того возложил левую руку сверху на свою застежку-череп, где открытый рот свирепого медведя показывал вроде бездонную пасть и малозаметно выдохнул. Прошло может с десятков секунд, как в разинутой пасти зверя пыхнув закрутился по кругу черный дымок, вмае многажды накручивающий свою густоту и частоту движения. Еще немного, и из того дымка стал вылезать, набухая и расширяясь, толстый с покатым навершием росток. Он, точно живое существо плавно изгибаясь собственным телом, медленно спускался вниз, из пасти к полу. И как только его конец коснулся черной глади (враз издав громко-пронзительное пыхтение) макушка ростка оторвалась от пасти, вроде отвалившись от острых, крупных резцов или клыков, не менее зычно плюхнувшись в чуть клубящееся по полотну пола облачные куски пуфика. Тот дымчатый отросток был в ширину не больше двух сложенных вместе рук Яробор Живко. Но стоило ему полностью соприкоснуться с полом, как он резко возрос, став в обхвате тела, как Темряй, а в длину достигнув метров пяти-шести. Также стремительно он сменил гладкость черного окраса на чешуйчатость зелено-бурого в крапинку и различимо обратился в существо.

Довольно-таки долгое его тело и впрямь походило на змеиное. Но в отличие от последнего имело дюже мощные лапы, которые чем-то походили на утолщенные плавники, поместившиеся в передней части. Сами плавники с легкостью приподнимали переднюю часть корпуса и голову вверх. Постепенно сужающееся к завершию тело, хотя и не имело четких границ, разделяющих голову, туловище и хвост, меж тем явственно обладало покатым горбом на спине, и было сжато с боков. На самом, словно срезанном конце туловища, вернее его хвосте, располагалась круглая воронка обрамленная удлинено колеблющимися сосочками позадь которых помещались крупные и спиленные под углом зеленовато-желтые, угловатые отростки. Обобщенно и сама розоватая поверхность той воронки была усыпана мельчайшими присосками да острыми зубцами, только не отдельно стоящими, а спаянными в единый ряд.

Хала зримо шевельнулась, и, привстав на лапах-плавниках тягостно качнула округлой головой, медленно развернув ее в сторону сидящего Яробора Живко, вже давно затаившего дыхание. Голова халы слегка приплюснутая имела вельми уродливую морду. Огромный несильно покатый лоб переходил в дюже выступающий двухскладчатый нос, где ноздри располагались на внутренней, легохонько колыхающейся, пластине, а широкая, щель-рот несла на своей поверхности рядья мелких, черных зубов. Здоровущими были удлинненные очи существа, начинающиеся от края носа и завершающиеся подле массивных и таких же крупных заостренных ушей в размере, кажется, не меньше самой морды. Яркие желто-зеленые радужные оболочки, наполняющие глаза, лишь в уголках имели белую склеру, а в самом центре несли неподвижные, точнее даже точечные красные зрачки.

– Ух, ты! Вот это да! – восторженно проронил мальчик.

Он, было, подался вперед, желая коснуться весьма ноне близко расположившейся морды халы, но Перший придержав его, негромко молвил:

– Разрушится, коли коснешся, – тем самым возвращая юношу в исходное состояние.

Нежданно хала ретиво дернула своим телом и раскрыла, как оказалось сложенные на спине повдоль горба крылья, оных обнаружилось сразу по два с обеих сторон туловища. Перепончатые, довольно узкие и единожды длинные крылья, как продолжение бурой кожи были снабжены зримыми тонкими мышцами и жилами, и на своем кончике имели загнутый, черный и весьма крупный коготь. Хала порывчато взметнула всеми четырьмя крыльями разом и подалась вверх, вытянув горизонтально полу свое долгое, извивающееся в полете тело, закружив в своде и касаясь растянутых в нем облаков.

– Вот это да! Вот это зверь! – сызнава восторженно молвил юноша, и теперь настойчиво отстранив руку Першего от груди и скинув с плеч плащ, спустился с его колен на пол.

Мальчик сделал несколько широких шагов вперед, и, остановившись вблизи от Темряя, вздев голову, воззрился в кружащую в своде халу, своим колыханием придающую висающим там облакам какой-то серебристый тон.

– Рад, что ты оценил его мощь Ярушка, – довольно отозвался Темряй и сам с неподдельным теплом уставился на халу.

– Весьма интересное творение, – с медлительной расстановкой произнес Перший, оперев локоть об облокотницу кресла и придержав перстами подбородок слегка приподнятой головы. – Как я погляжу, в творение этого хала принимал участие не только ты Темряй, но и похоже еще кто-то... Очевидно, что Словута и тот, каковому поколю запрещено создавать нечто больше Дремы.

Змея в наверхие венца Господа допрежь спокойно лежащая, явно встревожено вздела голову с хвоста, и, приоткрыв пасть, выудила оттуда розоватый язык, принявшись его раздвоенным кончиком торопко ощупывать пространство подле себя. Темряй чуть слышно хмыкнув, впрочем, не отозвался Отцу. Судя по всему, ощущая собственную вину пред ним, а может, просто не успев, абы в разговор ворчливо вступил Мор, стремительно прикрывший очи, и, утопивший голову в глубине ослона кресла, точно страшась испепелить возникший пред ним образ:

– Занимательное, Отец, несомненно. Если представить, что это самое «ух, ты!» и «вот это да!» в сотни раз превышает ноне виденное. Возможно, будут правы палубинцы, оные окромя «Кусэйдия и Куокэ!» ничего более крикнуть и не смогли.

– Почему не смогли... смогли, – немедля вставил Темряй и широко улыбнулся. – Они еще кричали: «Кюа хэ киюмбе!»

– Очень своеобразно, – обидчиво бросил в сторону младшего брата Мор.

Зиждитель также энергично махонисто раскрыл очи и пульнул в направлении летающей халы стрелообразную полосу черного света. Каковая, в доли секунд нагнав существо в своде залы воткнулась своим острым наконечником ему как раз между ног, словно пронзив все туловище насквозь... И тем самым разорвав его на две части. Хала немедля надрывисто дернула двумя половинками тела, головы, лап и крыльев да распалась на зелено-бурые блики света. Прошел еще вероятно морг и те блики света втянулись в серебристые полотнища облаков свода, придав им зеленоватую крапчатость. Внутри самих полотнищ, что-то гулко хлопнуло, и вниз на Темряя и стоящего рядом с ним мальчика, мощным потоком излилась вода.

– Ой! – негодуяще воскликнул Яробор Живко, не ожидающий, что его сызнава вымочат, а, чего еще более неприятно ледяной водой по вздетому кверху лицу.

– Ох, Ярушка прости, – торопливо проронил Мор, судя по всему, та вода предназначалась только младшему брату.

– Не в ту сторону пульнул гнев, – пояснил Темряй, смахивая с волос и лица капель водицы, и вроде тем мановением просушивая себя. Хотя стоящий подле него юноша приметил,

что поток воды редкой капелью затронул волосы и лицо Господа, обойдя его всей остальной массой по коло.

– Вы, видимо, решили меня нынче утопить, – все также недовольно вставил мальчик, отжимая воду вниз на пол с длинных волос.

Негромкий смех наполнил залу, и медленно прокатившись, заколыхал одну из зеркальных стен, впустив в помещение зримо обеспокоенную Кали-Даругу.

– Поди, мой милый ко мне, – полюбовно протянул Перший, и, подняв с колен плащ сына, легохонько его встряхнул, расправляя на нем материю. – Я тебя укрою.

– Прости мой драгоценный, сие предназначалось не тебе, – расстроено молвил Мор и порывчато шевельнулся в кресле, намереваясь подняться.

Однаке, его опередила демоница. Она дюже сердито полыхнула двумя черными глазами в сторону провинившегося Господа и стремительно приблизившись к Першему, приняв из его рук плащ, в доли секунд оказалась подле мальчика. Со всей заботой и трепетом укрыв Ярушку с головы до ног в голубоватое, долгое полотнище.

– Разве можно мальчик Господь Мор такое творить, – наконец озвучила она свое недовольство, утирая краем плаща лицо юноши. – Господин итак слаб здоровьем... Столько сил потрачено, чтобы его укрепить, а вы озорничаете и ледяной водой полощите.

– Я не нарочно, – досадуя на самого себя, отозвался Мор и так как он уже привстал с сидалища кресла вновь гулко плюхнулся на него.

– Надобно уметь сдерживать свой гнев, мой дражайший мальчик, – с родительской интонацией в голосе отметила рани Черных Каликамов так, точно имела на это право.

– А, что такое «кюа хэ киюмбе»? – спросил утираемый Кали-Даругой мальчик, обращая днесь поспрашивание к ней.

– Убейте эту тварь, – немедля пояснила демоница, определенно, не придав значения тому, что у нее спросили, ибо была занята более насущным. – Господь Перший я посмотрела апсарас и потолковала с ними. Это то, что нам надо сейчас, просто незаменимые существа. Мальчик Господь Темряй, – и рани перевела взор с лица юноши, которого ласково гладила по спине и голове, просушивая, и воззрилась с нежностью на младшего из Димургов. – Творит все всегда безупречно и такое прекрасное, умное, трудолюбивое, как и сам.

Темряй торопливо направил в сторону Кали-Даруги руку и полюбовно приглубил волосы на ее голове, не скрывая своего трепетного к ней отношения, да улыбнулся, будто видел пред собой заботливую мать.

– Видела бы ты Кали, что наш трудолюбивый и прекрасный малец тут ноне показывал, однозначно так не сказывала бы, – не открывая рта и, похоже, даже не шевеля губами, продышал Мор и тотчас сомкнул очи, вроде на них давили окрасившиеся в зеленоватые тона пухлые, плывущие по своду облака. – Весьма уродливое, тупое и всепожирающее создание... Точнее не создание, а создания.

– Как же они могли глотать камни? – перебивая, было открывшую рот рани, которая намеревалась поддержать приметно расстроенного Мора спросил Яробор Живко.

– А, что же делать, мой бесценный, коли все съедено, – торопко проронил Темряй и гулко засмеялся, и немедля его смех поддержал и вовсе зычно загреготавший Велет, который дюже любил шутки Димургов. – Чем-то же надобно набить таковое безразмерное брюхо.

– Скольких из них ты отобрала Кали-Даруга? – между тем негромко спросил Перший, обращаясь к демонице.

Рани спустив с головы мальчика плащ, провела дланью по его все еще влажным волосам, оные имели такое нехорошее свойство долго сохнуть, и неспешно отозвалась:

– Трех Господь Перший. Минаку, Арвашу и Толиттаму. Я и вам, Господь Перший, посоветовала бы сменить двух Ночниц на апсарас, тех самых которые показались мне весьма бестолковыми. Уж простите, Господь Мор за прямоту, но неких Ночниц и не надобно более вос-

становливать. У них явно отсутствует какой-либо умственный рост, а уж внешность и того подавно отпугивает.

Мор купно свел прямые, черные брови так, что высоко подтянулись уголки его глаз, какие он, впрочем, не открыл, изобразив на своем лице сокрушенность.

– Нет, живица, благодарю, – вставил достаточно скоро Перший. Он, несомненно, увидел неприкрытое расстройство старшего сына и не пожелал его еще сильнее огорчать. – Апасарасам, я уверен, мы найдем применение. Тем паче Крушецу они, скорее всего, будут близки, но своих Ночниц я не стану менять... Я к ним уже привык.

– Воля ваша Господь, – мягко отозвалась Кали-Даруга, понимая, что Бог так сказал только из-за сына, который всегда был вельми ранимым, особлива вследствие собственной не сдержанности. – Тогда я позову апсарас и мы познакомим их с господином? – спросила она старшего Димурга.

И когда тот кивнул, а в зале сызнова поплыла тишина, поспешила вон из нее, пред тем усадив мальчика на вновь созданный для него облачный пуфик.

– Кто такие эти апсарасы? – не дожидаясь возвращения демоницы, поинтересовался у Богов юноша.

Впрочем, ему на этот раз никто не ответил, предпочтя дожидаться рани. Темряй меж тем неспешно, развернувшись, направился к креслу Мора. Подойдя к брату, он остановился обок него, и, склонившись, прижался щекой к его лицу. Мор медлительно отворил очи, и, вздев с облокотницы правую руку нежно приобнял Темряя за шею, да полюбовно облобызал его очи, висок и щеку. Данным поступком Темряй признавал старшинство и зависимость от брата, передавая и одновременно требуя к себе ласки и любви от последнего.

Зеркальная стена залы вновь пошла густой рябью и выпустила не только Кали-Даругу, но и трех женщин. Это были очень красивые женщины... если не сказать точнее прекрасные. Не намного выше демоницы, они, однако поражали взор стройностью своих фигур, тонкостью станом, округлостью бедер, безупречными формами упруго-подтянутой груди. В них было все столь продумано, безукоризненно спаяно и длина волос, и чистота кожи, и миловидность лица. При сем они смотрелись совершенно отличными друг от друга женщинами, отличными не только ростом, тонкостью талии, али формой груди, но и цветом кожи, волос.

Одна из них, та, которую Кали-Даруга представляя, назвала Арваши, была самой высокой и стройной. Ее тонкая, белая с розоватым оттенком кожа точно просвечивалась, распущенные, волнистые, белокурые волосы дотягивались до середины спины. Мягкой, овальной формы казалось само лицо с высоким несколько наклонным лбом, длинным разрезом голубых глаз, с прямым слегка приподнятым кончиком носа, тонкими, вроде подведенными красными губами, дугообразными черными бровями и загнутыми густыми ресницами. В ее лбу, почитай в межбровье, сиял крупный, круглый, красно-бурый камушек граната, вельми плоского вида, каковой не просто служил украшением, а прямо-таки был впаян в кожу, плоть и, вероятно, в сам костный каркас головы Арваши.

Вторая апсараса, Минака, по росту была средней меж трех женщин, хотя смотрелась более миниатюрной, чем Толиттаму, которую, в сравнении с ее спутницами стоило бы назвать полноватой. Минака имела большую и высокую грудь, изящную талию, а кисти ее рук, также как стопы, были миниатюрно малы. Хотя сами ноги у апсарасы смотрелись крепко сбитыми в лодыжках и бедрах. Мягкая, нежная, смуглая кожа Минаки, почитай кофейного цвета, глянцево переливалась. Прямые, черные волосы едва прикрывали покатые плечи. На овальной форме лица, находился узкий, малость согнутый нос, миндалевидные темно-карие очи, бледно-розоватые пухлые губы, густые вроде крыши домиков брови и не менее плотные ресницы. У Минаки в межбровье также был вставлен, самоцвет, лунный камушек, молочно-белый, с лиловым мерцанием изнутри, в виде плоского, четырехлепесткового цветка.

Толиттама оказалась самой низкой из апсарас и более коренастой на фигуру, меж тем сохраняя округлость бедер, грациозность талии и пышногрудость. Весьма долгой и тонкой была ее шея, гибко-покатыми плечи, темно-бурой, шелковистой кожа и темно-русыми, волнистые волосы, кои дотягивались почти до колен. Лицо Толиттаму чем-то напоминало по форме сердечко, где лоб смотрелся шире области округлого подбородка. На лице апсарасы помещился прямой, небольшой чуть вздернутый нос, крупные, почитай черные, очи и маленький рот с весьма зримо очерченной густо-алой, верхней губой. Глаза Толиттамы, окруженные долгими, черными ресницами и точно подведенные сверху плавной тонкостью бровей, так воззрились на Яробора Живко, что враз по его плоти пробежал озноб, и сам он глубоко вздохнул. В межбровье Толиттамы сиял и вовсе чудной формы аметист нежно сиреневого переливчатого блеска. Он проходил двумя тонкими, вертикальными полосками от середины лба вниз до спинки носа, образуя на конце трехлепестной лист.

Обряженные в прозрачные плотно облегающие шаровары, едва достигающие лодыжек, и короткие без рукавов рубахи такие же сквозистые, без каких-либо украшений и даже обуви, казалось апсарасы, вынырнув из вод, явились смущать своей красой не только мальчика, но и самих Богов.

– Да, – наконец, прервал отишье зала Мор, и легохонько шевельнулся в кресле. – Красиво! Вот ведь милый малецык, можешь творить, что-то полезное... таковое, что приносит благодать.

Темряй все поколь стоящий подле кресла старшего брата и как иные неотрывно смотрящий на своих творений, широко улыбнулся и довольным голосом откликнулся:

– Так мой дорогой, ты же не пожелал увидеть сие творение в Татании, когда туда при-был, ибо был весьма занят истреблением хал на Палубе. Посему и не успел получить ту самую благодать.

Глава десятая

– Не понимаю, зачем сюда прибыли апсарасы? – спросил нескрываясь заинтересованно Яробор Живко.

Он возлежал на ложе в коме, уже готовясь ко сну и подтолкнув подушку под голову, точно обнял ее рукой. Кали-Даруга передав одной из своих служек демониц блюдо с грязной посудой и остатками еды оставленной после трапезы мальчика, торопливо вернулась к его ложу. Она степенно опустилась на табурет, что расположился подле ложа, и суматошливо оправила подол рубахи на ноге Ярушки, подложив под правое колено маленькую красную подушечку.

– Мне в помощь, господин и вам в радость, – достаточно медлительно откликнулась рани, говоря каждое слово с расстановкой и особенно выделив последнее.

Яробор Живко резко дернулся, похоже, всеми частями тела и конечностями, да переместившись с левого бока на спину, досадливо протянул:

– Кали, какая помощь? У тебя тут и так три аль четыре демоницы, нашто еще апсарасы. Да и не зачем им тут быть, ибо я вмаде отсюда уберусь на Землю.

– Господин, – мягкость голоса Кали-Даруги, словно переплелась с удрученностью. – Зачем вы так на себя говорите?

Демоница стремительно подалась вперед и теперь поправила подушку под головой Ярушки, подсунув под его плечи маханькие подушки.

– Как так? – удивленно переспросил юноша, и, остановив одну из рук рани, нежно провел перстами по тыльной стороне ее длани.

– Неизменно принижая себя, – пояснила демоница, не скрывая растерзанности чувств, оные отразились легкой зябью на голубой коже ее лица. – Как это так уберёте. Разве можно такое на себя говорить. Вы, что какое-то ненадобное творение, чьего отбытия все тут ожидают. Вы господин, суть ваша божественна... А вы все время себя принижаете, оговаривая ненормальным, с изъясном. Таковое немощно слышать. Таковое больно слышать мне созданию Господа Першого, чьей сутью вы являетесь. Так сказывая о себе, вы, словно принижаете его, Господа Першого, вашего Отца, каковой вас так любит.

– Я не нарочно, – торопливо дыхнул Яробор Живко и попытался вскочить с ложа, но его вельми настойчиво удержала рани. – Просто привык, – добавил он, сызнова опуская голову на подушку. – Меня очень любили мать и отец, еще сестра... Ну, а другие считали, вроде как не совсем здоровым. Особенно после того, как я пропал во время прохождения третьего испытания. Я пытался поговорить с братьями о том, что меня тревожило после смерти родителей, но наткнулся лишь на непонимание, а порой и отчужденность. Потому и привык думать, что...

Мальчик прервался, не став досказывать итак очевидного слова. Кали-Даруга немедля пересела к нему на ложе, абы стать ближе и ласково огладила перстами его руки, прошлась по волосам, лицу, нежно целуя, так как умела делать только она одна и вкрадчиво-настойчиво дополнила:

– Но ведь потом были влекосилы. Они не считали вас больным, вспать уважали и любили. А теперь совсем все изменилось. Вы подле Зиждителей, подле Господа Першого... Вы ведаете, кем являетесь. Быть может, стоит воздержаться от хулы на себя, особенно когда рядом ваш Отец, оный все это чувствует и поверьте мне, господин, очень оттого страдает.

– Я постараюсь, Кали, постараюсь. Но порой мне, кажется, я никак не могу быть сутью божества, и вы все ошибаетесь, – молвил, понижая голос Яроборка, словно страхась, что те сомнения услышит Перший аль Родитель.

– Господин, ну, что вы такое говорите, как так ошибаетесь, – протянула дюже ласкова рани Черных Каликамов и теперь огладила перстами одной из левых рук лоб мальчика вроде

как перепроверяя его опасения. – В том нельзя ошибиться, – досказала она, и широко улыбувшись, ретиво шевельнула вторым языком на подбородке. – Сие чувствуют не только люди, не только создания божеские, но и в первую очередь Боги. Стоит первым и вторым лишь взглянуть на вас и тотчас позадь головы им видится коло золотого сияния, признак божественности. Стоит Богам только прикоснуться к вашему лбу, как они сразу ощущают сияние вашего естества.

– А, что душа? – заинтересованно спросил Яробор Живко и теперь и сам дотронулся перстами до своего лба. – Душа находится тут? А, я думал в груди.

– Естество, лучица, господин... У вас не душа, – нежно пропела Кали-Даруга и днесь полюбовно облобызала перстами щеки юноши, его уста и подбородок. – Лучица, божественная суть Господа Першего обитает в вашей голове, подле сути плоти-мозга.

– А у иных людей, души обитают в груди? – поспрашал мальчик и теперь пошли вопросы иного порядка, те самые, цепь которых было сложно прервать... Сложно, но не для рани Черных Каликамов.

– Кто знает господин, где у людей обитают души, – глубокомысленно отозвалась Кали-Даруга, неспешно уводя разговор в надобное ей русло и принявшись подсовывать подушки под конечности Яроборки и подпирать его бока. – Если вообще они у них есть. Ибо я за свое долгое существование видела таких людей, у каковых явственно не то, чтобы души не было, а, по-видимому, и сердца... Сердца оное неизменно трепыхается при виде страданий себе подобных. – Рани самую малость приподняла правую ногу мальчика, и, пристроив под стопу более крупную подушку, добавила, – Господь Перший весьма кручинится, когда вы себя, господин хулите. Он это не говорит, но я вижу, так как когда вы уходите почасту грустит. – Лицо Ярушки дотоль задумчивое махом колыхнулось, и туго качнулись на его скулах желваки. – Он еще никем так не дорожил, как вами господин. Обаче, он Господь и не может долго находится в одной Галактике, у него много дел и обязанностей. – Теперь встревожено качнулся и сам юноша, туды... сюды дернулись его укладываемые на овальную подушку стопы. – А помощников, как вы заметили, господин мало. Только Господь Вежды и Господь Мор. Мальчик Господь Темряй еще очень юн... Господь Стынь и вовсе дитя, а Господь Опечь долгое время был вне печиц и ноне оправляется.

Яроборка чуть слышно застонав, неожиданно резко переместил те стенания в надрывистое дыхание, будто стараясь справиться со страхом и волнением, а Кали-Даруга меж тем все также поучающе продолжала:

– Но Господь Перший ноне не о ком кроме вас не может думать, господин. Также как и Родитель, каковой вам просил передать, чтобы вы успокоились и не страшились отбытия вашего Отца, его поколь не будет.

Теперь рани демониц это озвучила не столько для Крушеца, сколько именно для Яробора Живко. И мальчик немедленно резко выдохнул. Он также скоро сомкнул очи и мелкий бусенец пота, разком, выступив, плотно усеял подносовую ямку, точно услышанное так-таки выплеснуло волнение. Кали-Даруга нежно утерла юноше лицо и заботливо провела по лбу перстами, проверяя состояние лучицы, а потом, многожды понизив голос, произнесла:

– Посему, господин, можете более себя не тревожить мыслями об отбытие Господа Першего. Покуда вы к тому не будете готовы, Родитель не станет вас расстраивать.

– Я знаю, что мое место на Земле, – едва слышно протянул Яробор Живко и неспешно отворив очи, уставился в лицо рани, где легохонько, будто желая его облизать, затрепетал второй язык. – Знаю, понимаю. И хочу увидеть Айсулу, Волега Колояра. Но боялся... боялся.

– Теперь не надобно ничего бояться, – тотчас перебивая поддерживающийся глас юноши молвила демоница и широко улыбувшись сверкнула голубовато-белыми зубами. – Родителю вы, также как и Господу Першему, дороги. И Родитель допрежь никогда так не тревожился, ни за одно юное божество, как за вас.

– Тогда зачем ты, Кали вызвала сюда этих апсарас, не пойму? Коли я вскоре вернусь на Землю? – удивленно переспросил Ярушка и много ровнее задышал.

Рани Черных Каликамов, наконец, разложила подушки на ложе и более округлые валики подоткнула под тело мальчика, все с тем же попечением она укрыла его сверху тончайшей сетью покрывала дотянув край до стана. И лишь после того повышая голос и придавая ему какую-то плавность произнесла:

– Чтобы порадовать вас, мой дражайший господин, наше совершенство и чудо. Да и если вы пожелаете когда-нибудь отправиться побывать на Земле, апсарасы последуют за вами и будут ухаживать и помогать, або для того и сотворены. Радовать и помогать.

Яроборка проникновенно зыркнул в черные очи Кали-Даруги, где махонисто вскидывались вверх золотые лепестки сияния, и, не скрывая своего непонимания, изрек:

– Как же они последуют. А, что про них скажут влекосилы и кызы?

– Ничего не скажут, вероятно, даже не приметят их, – рани проронила эту фразу дюже торопко и медленно переместилась с ложа мальчика на свой табурет. – Не приметят, что они появились. Однако, вы господин будете под постоянной заботой. Апсарасы станут создавать вам условия, окружать вас вниманием, теплом, уютом. Вам же они понравились? – Юноша резво кивнул, и словно снова ощутил легкую зябь собственной плоти, дотоль никогда не испытываемую. – Кто из них больше? Арваша? Минака? Или Толиттама?

– Та, которая с темно-русыми волосами и самая низкая, – Яробор Живко протянул это совсем низко и голос его при том дернулся, а щеки густо зарделись.

– Толиттама, – явно довольно отозвалась Кали-Даруга и степенно испрямив спину, на чуть-чуть вроде как отдалилась от юноши, схоронив часть своего лица в тени, кою порой отбрасывали цепляющиеся за стены пряди облаков. – Мне она тоже понравилась больше всех. У вас господин хороший вкус, – рани сызнава сказала так запросто, точно говорила о давешнем ужине. – Апсарасы удивительные существа, каковые могут не только менять рост, формы тела, но и цвет кожи, волос, глаз, длину рук, ног, перст. Ко всему прочему они достаточно умные, могут слушать, одарены способностями играть на музыкальных инструментах, петь, танцевать... И главное они умеют любить.

– Любить, – повторил вслед за демоницей Яроборка, наблюдая за тем, как она медленно поднялась с табурета.

– Думаю, вам будет хорошо, господин с Толиттамой. Она принесет вам много радости, – добавила Кали-Даруга, с нежностью оглядев мальчика с головы до ног.

– А как же Айсулу? – едва слышно прошептал Яробор Живко, ощутив, как яристо затрепетала его человеческая плоть в желании хотя бы прикоснуться к темно-бурой, шелковистой коже апсарасы.

– Айсулу еще девочка, – отметила рани, несомненно, той молвю поучая юношу и тело ее качнулось, так как она переступила с ноги на ногу. – Ей надобно многому научиться, чтобы сметь коснуться вас, господин. И, тому ее будут обучать апсарасы, каковые поколь доставят вам радость.

Кали-Даруга смолкла и степенной поступью направилась к полотнищу в углу стены комли, коя нынче колыхала почти серебристыми лохмами облаков, будто плохо спутанных косм волос, оставив мальчика в дюже томительном состоянии. Не прошло, видимо, и нескольких минут, когда пошедшие круговертью космы облаков, поглотившие демоницу, выпустили из себя Толиттаму. Ноне обряженную в прозрачную, ажурную, белую рубаху, столь плотно облегающую ее тело, что зрелись не только плотные ее очертания, но и та самая желанная темно-бурая, шелковистая кожа. Темно-русые волосы апсарасы, убранные на спину, были схвачены позадь головы в хвост, иначе, даже так они покоились на ней весьма мощной массой.

Толиттама в доли секунд преодолевшая расстояние до ложа, остановилась почти подле него и тот же миг преклонила голову, томно и единожды женственно сказав:

– Доброй ночи, господин.

По телу Яробора Живко махом от той молви проскочили горящие искорки... Кажется, не только по венам, но и по самой коже, обжигая его своей жаркостью и тугой ком перегородив дыхание враз сомкнул рот, а после и очи. Теперь прошло и вовсе малая толика времени, и неожиданно трепетно-мягкие губы апсарасы коснулись уст парня... и своей нежностью пробудили к жизни плоть.

Глава одиннадцатая

Солоновато-горький ветер порывисто ударил в лицо Яробора Живко и вместе с жаркими лучами солнца, возвышающегося прямо над головой, придал ему какое-то парящее состояние. Отчего вдруг показалось еще миг, и мальчик шагнет вперед, да, раскидав руки в стороны, взлетит. Перший, стоящий подле парня, судя по всему, уловил данное состояние и немедленно положил свои тонкие перста ему на плечо, тем самым возвращая к действительности.

Они стояли на скалистом берегу океана, где темно-синяя, точно подсвеченная изнутри марностью света, вода мягко переходила далеко на линии горизонта в серо-голубой небосвод. Подступающая к отвесной и почему-то черной, каменной, высокой стене берега (растянувшейся повдоль прибрежной океанской полосы вправо и влево) вода яростно ударялась белыми кучными верхушками в ее мелко изъеденную червями и бороздами поверхность, иноды выступающую малыми ступенями поросшими зелеными мхами. А после, гулко ворча, вроде досадуя, сызнова откатывалась назад.

Позади стоящих на берегу мальчика и Бога расстилалась пологим склоном долина, покрытая невысокой растительностью: аржанцем, тонконогом, дятлиной красной, житняком гребенчатым, кострецом, местами сбрызнутая белыми, желтыми пежинами луговых цветов. Там же где непосредственно поместились Перший и Яробор Живко, склон резко брал вверх, теряя всякую растительность, и живописал ровные пласты камня вроде как залащенного, однако все же имеющего шероховатые выемки или борозды по своему полотну, да обрывистые сечены по самому краю. По правую сторону от юноши слегка вдаваясь вглубь океанских вод, расположилась высокая одиноко стоящая скала, купно изрезанная широкими трещинами, словно сердито рубленая топором, каковой создал на ее несколько угольной форме множественные выемки, выступы, террасы, аль отдельные островерхие зубцы. Казалось в ней также, как кое-где и в самой береговой стене, вода пыталась выдолбить ступени или долгие заусенцы. В самом его начале, подле рубежа плещущейся воды и вовсе виднелся здоровенный проем с обтесано-рванными краями, высеченный ударом молота, прорубавшего себе проход в каменном лбище.

– Земля, – негромко дыхнул Яробор Живко и глубоко вогнал внутрь легких океанский дух. – Так прекрасна, правда, Отец.

– Возможно, мой бесценный, – уклончиво отозвался Бог и теперь переместил пальцы с плеча мальчика на его голову, оправляя на ней локоны длинных волос.

После прибытия апсарас и близости с Толиттамой, цепь видений у юноши столь усилилась, что не просто высосала из него силы и утомила. Протекая как-то весьма порывчато и мощно, изредка сменяя одно видение за другим, она не давала времени Яробору Живко набраться сил. В общем, достаточно обыденное для людей превращение мальчика в мужа довольно-таки неоднозначно сказалось на Яроборке. По-видимому, такое развитие опытная Кали-Даруга предполагала, посему и саму близость и взросление юноши провела подле себя... на маковке четвертой планеты.

Последняя цепь видений не просто вызвала слабость в мальчике, она принесла с собой потерю сознания и обильное кровотечение из носа, отчего его пришлось срочно поместить в кувшинку, а как таковое отбытие на Землю поколь отложить. Стараясь справиться с видениями, и тем не доставить боли Темряю и Мору, Яробор Живко, а вернее Крушец проявил истинность своей божественной сути... которая в целом и завершилась тяжелым обмороком плоти.

– Мне, кажется, видения многожды усилились, – огорченно проронил сидящий в зале маковки Перший, прикрывая левой дланью свое лицо, абы схоронить, таким побытом, переживания.

– Это пройдет Господь, – мягко отозвалась Кали-Даруга, поместившаяся в шаге от кресла Бога и вельми заботливо оглядевшая его понуро-опущенную голову.

Рани Черных Каликамов пару минут назад вошла в залу маковки доложив находящимся там двум Богам: Першему и Темряю о состоянии доставленного и переданного на попечение бесиц-трясавиц Яробора Живко, пред тем и потерявшего сознание да этим точно втянувшим в плоть само видение. Ноне на маковке не было Велета и Мора, первый отбыл по делам в Галактику Атефов Крепь, а второй проверял состояние неких систем в Млечном Пути.

– Важно Господь, что ноне не пострадал мозг господина. Надобно вам позже потолковать с Господом Крушецем, и предупредить, абы он таковое более не творил. И не подвергал опасности гибели плоть, мозг и собственное здоровье, – продолжила сказывать Кали-Даруга.

И стараясь снять охватившее старшего Димурга волнение, пронзительно глянула на стоящего подле ослона его кресла Темряя. Тем взглядом, посылая последнему какое-то указание и просьбу. Темряй немедля протянул навстречу сидящему Отцу левую руку и дотронулся перстами до его плеча, требуя внимания к себе, ибо, несмотря на старания Крушеца последнее, не до конца погашенное видение, прибольно зовом ударило по нему. Перший торопливо убрал руку от своего лица, и, перехватив пальцы сына, ласково их сжал, стараясь передать ему не только любовь, но и собственные силы.

– Господь Крушец уникальное создание, Господь, – отметила демоница и легохонько улыбнулась, довольная тем, что Темряй не дал замкнуться в собственной смури Отцу. – Даже сейчас, в плоти человека, не в состоянии поколь воспользоваться в полной мере своими способностями, во всем проявляет собственную божественность. Однако, по поводу состояния самого господина, я убеждена, не стоит тревожиться. Волнение вmale улягутся, когда господин почувствует в себе мужское начало. Поэтому я и настаивала, свершить первую его близость под моим руководством, поелику господин, вопреки лечению, так и сохранил психо-эмоциональную нестабильность. Думаю, бесицы-трясавицы оказались правы, предполагая, что это генетически прописано в самой плоти, вряд ли так влияет лучица. Поколь дадим господину отдышаться, успокоится, побыть в близких отношениях с апсарасами и только погода, когда видения нормализуются, вновь продолжим говорить о Земле... И тогда можно будет поначалу, как господин того и желал, вам вместе Господь Перший побывать подле океана.

– Живица, – медлительно произнес старший Димург, дотоль обернувшись и внимательно обозрев стоящего позади Темряя. – Ты, точно меня не слышишь. – Бог медленно перевел взор на рани и тотчас затрепетало золотое сияние его кожи, как угасающее пламя свечи. – Я сказал, что у мальчика усилились видения, что возможно связано с развитием лучицы, а не с близостью которую испытала плоть, потому и указал обследовать Крушеца, Отекной.

– Господь, – немедля отозвалась Кали-Даруга, порой проявляя зримое неподчинение и своему Творцу. – Я уже вам поясняла. В развитии лучицы поколь нет, и не может быть выявлено никаких изменений. Абы уже все выявлено и ноне Господь Крушец находясь в плоти, не может никоим образом развиваться. Лучица днесь как вы и просили, перестала оказывать давление на плоть, успокоилась сама и весьма бодро себя чувствует. Не зачем ее лишний раз волновать тем осмотром, оный она неизменно тревожно воспринимает. Не нужно беспокоиться и вам Господь Перший, все поколь под присмотром. Нынче, как велел Родитель, надо создать условия там, на Земле, чтобы Господь Крушец пожелал вернуться туда и дал возможность прожить господину долго. Дабы лучица успела научиться правильно перерабатывать видения, и ими не навредила в жизни своей следующей, последней плоти. Родитель считает, что для Господа Крушеца и господина сейчас нужны зрелища, потому я и настаиваю на продолжении того перехода, что ранее предприняли люди. Долгий путь, новые места, природа, к которой у господина тяга, все это будет отвлекать от разлуки с вами. Рядом будут апсарасы, интересные, близкие ему по суждениям люди. И я уверена, все будет благополучно.

– Ох, живица... ты говоришь не о том, – несогласно молвил Перший, и, ощутив спокойствие младшего сына, выпустил из своих перст его руку, обаче, лишь за тем, чтоб под широкой дланью сызнава схоронить тревоги на своем лице. – Я прошу осмотреть Крушеца, а напираясь на недопонимание... на твое, моя дорогая живица, недопонимание.

Зиждатель медлительно убрал руку от лица, положив ее на облокотницу кресла и махонисто раскрыв очи, блеснул их темнотой в сторону демоницы.

– Нет, Господь Перший, это не недопонимание, – казалось голос Кали-Даруги звончато зазвенел, будто она начала гневаться и враз голубоватая ее кожа приобрела более насыщенный цвет, особенно в районе щек. – Это совсем иное. Это, какая-та болезненная тревога, связанная уже даже с тем, чего просто не может быть. Не надобно себя все время изводить этим страхом Господь. Лучица будет здоровой. Никаких изъязнов у нее не будет, если мы правильно станем себя вести и создавать условия. Но на Господа Крушеца, – рани говорила величание лучицы токмо тогда, когда хотела повлиять на своего Творца. – Весьма не благостно влияет ваш страх. Сие, поколь ощущает только Родитель, но я уверена, вскоре почувствует и лучица. А почувствовав начнет беспокоиться, теревить себя и плоть... И все наши усилия, каковые были приложены, чтобы божество умиротворилось разрушаться. Ведь Господь Крушец такой хрупкий, нежный, чувствительный мальчик, особенно остро ощущающий вас. Вам Господь надо успокоиться и прислушаться к моим советам. Так как нам надо сейчас, поколь вы и я тут, в Млечном Пути решить все вопросы о будущей защите лучицы и создании для нее благостных условий в жизни последней ее плоти.

Старший Димург неспешно сомкнул очи и несильно вогнал перста обеих рук в локотники кресла, стараясь вроде удержаться на нем и не упасть, впрочем, с тем выражая на своем лице полное смирение. Так как он ведал, что ноне Кали-Даруга, общаясь с Родителем, выполняет только Его указания и не станет слушать ни в чем Першего... хотя, несомненно, весьма желает своего Творца успокоить. Темряй гулко выдохнул, и, сойдя с места, направился к выходу из залы, оставляя Отца и Кали-Даругу один-на-один, вероятно, не в силах переносить волнение одного и явственное пререкание другого.

– Малецк, куда ты? – мягко спросил Перший, уловив тягостное трепыхание в сыне, и тотчас открыл очи. – Побудь тут, мой дорогой, я обговорю с Кали-Даругой касавемо Крушеца и потолкую с тобой, ибо тебе пора отбыть. Вежды ждет тебя в Голубоватой Вялице, чтобы отдать поручение. Он оногдась со мной связался и доложил, что Родитель, так и не приняв его в Стлязь-Ра, дотоль, однако, продержал в пагоде в Отческих недрах, в Ра-чертогах... Теперь повелел отправляться в Галактики Димургов и заняться своими прямыми обязанностями, в частности приглядом за младшими членами печищи.

Широко растянулись уста на лице Кали-Даруги, живописав облегчение и довольство. Очевидно, помилование Вежды стало ее заслугой... ее заступничеством за мальчика пред достаточно суровым Родителем.

– За Татанией поколь приглядит Опечь, а ты, мой милый скорей всего отправишься в Уветливый Сувой проверишь населенные тобой системы, и в целом Галактику, – ровно продолжил свои пояснения Перший, так словно дотоль его Темряй о чем спросил.

Старший Димург приподнял правую руку с облокотницы и легохонько повел перстами в бок, указывая на пустое кресло, оное будучи не занятым степенно начало распадаться на части, и от него вверх стали отлетать поколь маханькие лохмотки сизых облаков. Темряй резко качнул головой, выражая тем огорчение по поводу произошедшего в Татании, однако послушав Отца направился к креслу и неспешно на него опустившись, сим прекратил распадение облачных масс. И стоило младшему Димургу умиротвориться на кресле, сказывать вновь принялась Кали-Даруга:

– Господин, очень способный мальчик, и вне всяких сомнений научится достаточно мирно и благополучно переносить видения, для того нужно немного время. И, безусловно,

Господь Крушец также овладеет этими нестандартными для его юности аномалиями в становлении. Обаче, в следующей жизни плоти, необходимо, чтобы подле лучицы было существо, ожидающее несколько неадекватное поведение человека с самого детства. Поколь плоть повзрослеет и Господь Крушец научит ее правильно воспринимать и переносить видения. Чтобы не получилось, так как однажды произошло с нашим милым мальчиком Господом Мором. Когда дражайший мальчик, находясь в человеческой плоти, и проявляя свою божественность, чуть было не погиб от людского безумия... – Кали-Даруга на малость прервалась и весьма пронзительно воззрелась на Першего, словно в чем его упрекая, а когда тот едва заметно кивнул, дополнила, – потому я хочу вам, Господь Перший, предложить воспользоваться помощью созданий Господа Огня. И после появления лучицы в плоти сменить кого из ее сродников на упыря. Безупречно похожее создание, втянув в себя плоть, мысли человека станет неоценимым помощником, охранной и поддержкой лучицы. При том упырь никак не выдаст своего существования отличием оттого, кого поглотил. Не проявит собственной истинности перед плотью, самостоятельное становление каковой, станет тогда иметь особое значение.

Задумчиво оглядывая рани, Перший совсем немного медлил, а после как-то и вовсе лениво отозвался:

– Если нужен упырь, надобно связаться с малецыком Огнем... Когда должно прибыть это создание, с Воителем или раньше.

– Желательно, чтобы упырь и милый мальчик Бог Воитель прибыли до смерти нонешней плоти, – ответствовала Кали-Даруга и в очах ее заплескались, вскидывая вверх лепестки золотого сияния, пожирающие всю черноту там. – Чтобы я с мальчиками Велетом и Воителем потолковала и обсудила все. И они знали, как надо будет себя вести и поступать... Оно как, вы, Господь Перший знаете, что последнее вселение лучицы, скорее всего, совпадет со сменой моей оболочки. И тогда я не смогу не только присутствовать в Млечном Пути, но вряд ли даже сумею, что-либо дельное подсказать.

– Ты не любишь Землю, Отец? – довольно грустно молвил Яробор Живко вроде, и, не спрашивая, а утверждая. Он вновь втянул в себя солено-вольный дух океана, и неспешно опустившись, присел на каменную гладь высокого берега.

Они с Першим были тут уже значительное время, и ноги юноши также как и спина слегка загудели, требуя или движения, или более удобной позы. Яроборка согнул ноги в коленях, и, подтянув к себе, обвил руками, притулив на одну из коленных чашечек подбородок. А взгляд его все еще блуждал по водам раскинувшегося впереди океана, на волнующейся поверхности которого почасту мелькали всклокоченные белые завитки волн, словно идущих в скок вихрастых коней, вскидывающих свои гривы.

– Мне сложно сказать Ярушка, люблю я Землю, иль нет, – благодушно отозвался Перший, и, опустив голову, воззрелся на сидящего подле его ног мальчика. – Ибо невозможно говорить о любви к созданию, которое обобщенно видишь первый раз.

– Ты никогда до этого не был на Земле? – удивленно спросил юноша и резко вскинув вверх подбородок, уставился в нависающее над ним темное лицо Господа, будто объятые со всех сторон белесыми пежинами облаков, неспешно колыхающих своими боками в небо-своде.

– Всего один раз... Да и то нельзя сказать, что был. Просто в свое время посещал капище Расов, которое находилось на одном из материков Земли, – с расстановкой отвечал старший Димург и малозаметно просиял улыбкой. – Это было очень давно, по человеческим меркам... Скажем так на заре времен... когда и Земля, и люди, живущие на ней, были молоды, чисты и прекрасны... Когда они слыли детьми Богов и помнили имена своих создателей. А по поводу красоты... так я видел такие вещи, оные в сравнении с мощью биений волн океана, о грани этой каменной стены, можно назвать шорохом, каковой издает трепещущая в лучах

ветра листва. Красота, это величественность дальнего космического пространства, где колыхаясь вечно движутся частицы бытия.

Господь смолк... И на чуть-чуть здесь, на берегу океана, и впрямь наступило безмолвье... И сие несмотря на рьяные попытки волн пробить в каменной преграде себе путь... Несмотря на яристые капли вырывающиеся кверху и обдающие своей солоноватой капелью и сам рубеж берега, и лицо сидящего на нем мальчика.

– Знаешь, Отец, – протянул неуверенно Яробор Живко и замолчал, вновь воззрившись на водную поверхность.

После последнего обморока, довольно-таки продолжительного, мальчик и вовсе перестал называть старшего Димурга по имени, лишь обращаясь к нему как к отцу. Он какое-то время был весьма замкнут, и даже не желал близости с апсарасами, словно настойчиво вслушиваясь в то, что ему повелевает Крушец. Однако, погода, очевидно, обретя себя и избавившись от указаний Крушеца (о которых последнего вновь попросил Перший), изменил свое поведение, став не только спокойней, покладистей, прекратив себя принижать, но и сменив обращение к старшему Димургу с Першего на Отец.

– А ведь выходит все смертно, – дополнил юноша погода и тягостно передернул плечами, ибо последним и столь тяжелым видением была сызнова погибель Земли. – Все, не только люди, звери, растения, но и планеты, и верно Боги.

– Такого понятия как смерть, – немедленно принялся пояснять Перший, поелику они с рани покуда, как им казалось, не могли снять тягостного ощущения с мальчика оставленного не столько самим видением, сколько желанием Крушеца не тревожить братьев. Потому ноне Бог отвечал почти на все вопросы, не стараясь как было дотоль уйти от ответа. – Каковое в него вкладывают люди, не существует. Впрочем, это допустимо сказать и про многое иное, что или кого человечество помещает в узкие рамочные клетки. Про саму же смерть можно молвить иначе... и это понятие будет более точным. Сама смерть является только переход из одного вещественного, а порой и пространственного состояния, в другую структурно-временную материю. Во всем, что ты наблюдаешь округ себя. – Бог легохонько вскинул вверх левую руку и описал ею коло, отчего еще мощнее вздыбилась на океанских водах заверть волн. – В том, что есть в тебе или вне тебя, мой бесценный мальчик, присутствует так называемое коловращение, круговорот... Погибшая, разлагающаяся плоть живого создания дает питание почве, коя посем вскормит растительность. Зелень степных, луговых трав вмаде напитает собой чадо, растущее в глубине лоно матери, а после рождения наделит вже его ростом и силой, придаст ему мощи. Обаче, погода, создание вновь попадет в почву, насытит ее и дарует новый цикл круговорота... Впрочем, в тот миг, час, день, месяц или год, когда плоть существа переваривается в почве, питает растение, аль малое чадо, живет, бытует иное понятие коловращения... Смысл его в том, что всякое создание, не важно, животное ли, человек ли, рождая себе подобных, тем самым дарует существование всем своим потомкам, не только детям, внукам, правнукам... всем отпрыскам... С тем и сам досель получив сие физическое бытие от своих предков, пращуров, таким образом, не нарушая еще одного вида, так называемого малого коловорота.

Старший Димург нежданно прервался, но только для того, чтобы опустившись, присесть подле юноши на каменистое полотно берега. Он резко принял свой самый малый рост, что сделал пред мальчиком впервые, и нежно приобняв его за плечи прижал к себе. Очевидно, жаждая стать ближе... как можно ближе к тому, кого любил так сильно... к тому, кто был сутью этой плоти.

– Но есть более значимое понимание круговорота, – продолжил Господь медлительно. – Это когда гибнет система, созвездие, Галактика... Но даже тогда те самые мельчайшие частицы, газы, пыль кои остаются, всяк раз после любой гибели, смерти, разложения в свое время положат начало иному творению. И вскоре на месте погибшего структурного единства

появится нечто иное. Новая конструкция материи... бытия... Ничего не умирает, только преобразуется... изменяется, приобретая высшие али вспять низшие качества, особенности, а ииоредь и функции.

Перший ласково прикоснулся губами к макушке головы Яробора Живко, взьерошив вьющиеся волосы на ней выдохом и последним сказанным словом, да замер... Наслаждаясь... Несомненно, наслаждаясь близостью не столько человеческого, сколько собственного, божественного естества обитающего внутри мальчика, такого осязаемо-мощного.

– Теперь я понимаю, почему Родитель не позволял мне встречи с тобой, – произнес юноша, обвиняя в том по незнанию не истинного зачинщика их разлуки, и преклонив голову, словно схоронил ее на груди Бога. – Так как я днесь не смогу без вас. Слишком сильно я связан с тобой Отец.

– Я буду рядом, – успокоительно отозвался Перший, желая ласковыми словами и проявленной любовью успокоить как плоть, так и драгоценного ему Крушеца.

– Все равно, – все также несогласно проронил Яроборка в грудь Зиждителя, прикасаясь устами к серебряной глади сакхи. – Дотоль я томился, но думая, что вас нет, аль вам не до меня, мог жить среди людей. Теперь я хоть и понимаю, что должен быть на Земле, все же ощущаю мощную потребность, находится подле тебя Отец. – Видимо, это всеобъемлющее желание владено не столько мальчиком, сколько лучицей. – И я боюсь Отец, что тоска меня изведет... И не помогут мне ни Айсулу, ни Толиттама, ни даже милая Кали. – Порывчато дернулись черты лица Яробора Живко и зримо скривились полные, алые губы. – А, что такое упырь, Отец? – все-таки справившись с собственной слабостью и стараясь отвлечься, спросил он.

Теперь явственно шевельнулись черты лица Першего, и по ним зараз пробежала зябь изумления. Он заботливо обхватил перстами подбородок юноши, и слегка приподняв голову, всмотрелся ему в лоб, но лишь затем, чтобы миг спустя также скривить полные уста.

– Откуда ты слышал, про упырей? – уже, впрочем, ведая обо всем, спросил Бог.

– Недавно, я еще спал... али не спал, мне трудно о том решить, – начал мальчик и туго пожал плечами, с тем не в силах перевести взгляд от больших очей Господа, где темно-коричневые радужки поглотили всю склеру и словно зрачок. – Я слышал, как ты сказал Кали, что малецк Огнь обещал передать упырей и зародышей вместе с Воителем, когда тот прибудет в Млечный Путь. «Зародышей?» – спросила Кали. «Да, зародышей, – ответил ты. – Потому как, передал малецк, их срок жизни вельми короток, поелику они не совершенны».

– Ты поразительный мальчик... малецк... мой дорогой, бесценный малецк, – это, кажется, Перший и не сказал, а только дыхнул, не отворяя рта, и легкое дуновение огладило кожу лица юноши. – Поразительно- неповторимый... Правильно говорит Кали-Даруга и Родитель уникальное совершенство.

Той молвью старший Димург, определенно, ласкал Крушеца... Крушеца который и был тем самым уникально-изумительным творением, а не простой, слабый, и всего только любознательный мальчик Яробор Живко.

– Я не подслушивал. Я всего-навсе слышал... Я слышу тебя мой Отец, – отозвался Крушец, передавая послание через мальчика... однако, мысленно так, чтобы мозг не сумел переварить посланную молвь... и теперь уже не пользуясь губами, голосом Яроборки.

– Мой милый, любезный, так ты мне дорог, – теперь старший Димург шевельнул губами. Он видел, что лучица уже сейчас могла мысленно общаться сквозь мозг мальчика с ним, но поколь не разрешал того ему делать, абы не навредить плоти. – Ты такая бесценность... Чего стоит только, что порой ты слышишь молвь моей змеи... Змеи которую никто кроме меня и Родителя не воспринимает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.